

Владислав Витальевич
Белов

Несостоявшийся рассвет

Повесть

Владислав Белов

Несостоявшийся рассвет. Повесть

«Издательские решения»

Белов В. В.

Несостоявшийся рассвет. Повесть / В. В. Белов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968015-0

Повесть, возможно, будет полезна для молодёжи. Особенно для тех, кто стремится к вершинам творческого пути. Это повесть-предостережение, призывающая «горячие головы» не переоценивать своих возможностей в достижении поставленной цели. А ещё в ней говорится о том, как прорастает молодое зерно, и его зелёные ростки, пробившись сквозь заросли семейного быта, тянутся к свету знаний и одновременно пьянеют от собственной силы и молодости.

ISBN 978-5-44-968015-0

© Белов В. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Начало	6
Глава 2. Городская жизнь	22
Глава 3. Школьная пора	40
Глава 4. А школьные годы летят...	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Несостоявшийся рассвет

Повесть

Владислав Витальевич Белов

Начало есть конец, конец есть начало
Г. В. Ф. Гегель

Редактор Валентина Ненашева
Корректор Михаил Зиновьев
Технический редактор Ольга Черных

© Владислав Витальевич Белов, 2019

ISBN 978-5-4496-8015-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Начало

Иртыш! С детства я помню твои холодные синие воды, белые гребешки мелких волн при слабом ветре и вздувшиеся в непогоду валы, величаво тянущиеся к небу на фоне суровой и зелёной тайги. Давно это было! Но мне, ребёнку дошкольного возраста, больше всего запомнился один летний день. Тогда, Иртыш, ты был великолепен! И мы, мальчишки из прибрежного села, радостно носились по большому песчаному плёсу, а потом с криками забегали в тёплое мелководье. Накупавшись, возвращались назад, с удовольствием оставляя на песке следы босых ног, и с размаху, плашмя, падали на него животами, разбросав свои руки. В тот день, я помню, ярко светило солнце. И оно ласково пригревало наши голые тельца. Было очень хорошо!

...Воспоминания далекого детства обычно предстают нам отдельными эпизодами, из которых не всегда можно соткать временные события. Как правило, легко запоминается хорошее, а страшное и злое остаются в тени, не всегда понятными до конца, а потому кажущимися не такими уж страшными. Не зря детскую пору называют счастливой!

По-своему был «счастлив» в детстве и я, внук раскулаченного советской властью зажиточного крестьянина. По рассказам матери, после ареста отца её, пятилетнюю девочку, вместе с родными и другими раскулаченными семьями отправили за сто километров в тайгу. Там они вынуждены были выживать, соорудив землянки и промышляя охотой.

Без кормильца семья деда вымерла, а сам он скончался от рака желудка в тюремных условиях. В живых осталась только его младшая дочь Лида – моя мать. Она объясняла это тем, что вставала по ночам и украдкой ела хлебное тесто. Я думаю, что самый младший ребенок выжил, благодаря любви всей своей большой семьи. Впоследствии маленькую Лиду определили в детский дом, и когда началась Отечественная война, ей исполнилось восемнадцать лет.

– Нас построили во дворе, – рассказывала она, – а затем зачитали приказ об отправке на фронт. Напутствием были слова: «Детдомовцы! Вас воспитала Советская власть, и теперь вы должны защитить свою Родину и, если потребуется – ценой собственной жизни».

Я появился на свет в год окончания войны благодаря любви фронтовой связистки и летчика, офицера истребительной авиации. Но мать мало рассказывала об отце. Знаю лишь следующее. Беременную, он отправил её к родителям в Тамбовскую область. Шёл 1945 год. Заканчивалась война с фашистской Германией, а впереди маячила новая – с милитаристской Японией. Туда и была переброшена эскадрилья отца.

Однако его родители не захотели признать снохой приехавшую с фронта чужую беременную женщину, бывшую детдомовку да ещё и дочь осуждённого кулака. Постепенно письма от отца стали приходить реже, а потом их и вообще не стало. «Наверное, погиб», – оправдывала его передо мною мать. Но иногда мрачно и со вздохом добавляла: – «Прятали они от меня письма. Хотели, чтобы я сама уехала». Так она и поступила: не дождавшись вестей с фронта, поехала к своей двоюродной сестре на родину в деревню Окунево Омской области. Там она зарегистрировала меня заново под своей фамилией и с новой датой рождения.

Как-то я разыскал Окунево в Интернете и, к своему удивлению, узнал, что деревня мало изменилась: такие же покосенные избы и заборы, небольшое количество населения. Зато зачастили туристы. По словам неких «исследователей», Окунево, оказывается, располагается в аномальной зоне. Предприимчивые люди тут же сделали из захудалой деревушки, расположенной в дремучей тайге недалеко от Иртыша, местную достопримечательность, организовывая туристические походы по её окрестностям.

Об удивительных особенностях моей деревни тогда писали в газетах, журналах и даже показывали передачи по телевидению. Авторы статей и передач старались убедить людей, что в округе небольшого поселения имеется какое-то загадочное озеро, которое иногда таин-

ственно исчезает; что даже есть места, где раны заживают как бы сами собой. И вообще, Окунево, по мнению некоторых авторов статей, является ни больше, ни меньше, как центром всех аномальных зон, имеющих на Земле!

Но после войны жителям деревни было не до чудес: не хватало продуктов, а окуневский колхоз, оставшийся без мужской рабочей силы, захирел. Сажали, в основном, картошку да пекли хлеб. Муку привозили из райцентра, расположенного на другом берегу Иртыша в селе Евгашино. Моей матери, как фронтовичке, удалось устроиться в деревенском магазинчике продавцом и директором в одном лице. Оттуда она иногда приносила домой конфеты-подушечки, которые были большой радостью для меня. Правда, сладости были изгажены мышиным помётом, из-за чего и терялся их товарный вид. Но, когда мать очищала эти «подушечки» и давала мне несколько штук к чаю, – вот это было настоящее Чудо!

Совсем не помню, как мы переехали жить в Евгашино. Уже потом, став подростком, я узнал от матери, что за ней в ту пору ухаживал бывший фронтовик Иван Григорьевич Щетинин. По всей вероятности, будучи директором деревенского магазина, она ездила в район с отчётами. Там они, видимо, и познакомились, а потом – поженились.

* * *

Так я оказался в доме Щетининых. Выложенный из кирпича, он стоял на крутом возвышении недалеко от песчаного берега Иртыша. Из окон дома можно было увидеть и противоположный берег с подступающей к нему дремучей тайгой. Я часто разглядывал его с высоты: там – в глубине высоких елей и сосен – осталась моя деревня.

Щетинины жили не бедно. Потомственные печники, они всегда имели работу, но, как и многие жители Сибири, злоупотребляли алкоголем. Отец отчима напивался до того, что приходил домой поздно ночью в обосранных штанах, долго провалявшись где-то под чужим забором. Если была зима, его мокрые ватные штаны стояли колом. И тогда бабка, кряхтя и ругаясь, еле стаскивала их с него, проклиная всё на свете.

Но, отогрившись, дед принимался за бабку. Он стучал кулаком по накрытому для него столу и, сидя на лавке уже в сухих кальсонах, полуголым, вовсю проклинал Советскую власть. Иногда, заслышав последние новости из репродуктора, он вваливался в горницу, где проснувшись и дрожа от страха, лежали в кровати я и мать. Репродуктор висел прямо над нами, и дед, пользуясь отсутствием сына, задержавшегося на работе, начинал дискуссию с диктором.

Тогда я не разбирался в политике, но чувствовал, что пьяного деда она очень интересовала. Обычно он перебивал ведущего передачу диктора матерными словами. Потом ехидно посмеивался над его отдельными сообщениями, передразнивал и хмыкал, а когда убеждался, что тот его не слушает, снова раздражался бранью. Так он мог простоять долго, пока не приходил отчим. Но однажды дед осмелел и стал приставать к матери. Мы, в чём были, выскочили на улицу. Я хорошо помню, как вместе с матерью бежал босиком по снегу через улицу к соседям. К моему удивлению, холода тогда я не почувствовал. Было только страшно.

Следует сказать, что родители Ивана не одобряли его выбор: мужиков после войны не хватало, а он привел в дом женщину с ребёнком. Особенно злостовала свекровь. Когда мать приносила собранную ею в лесу бруснику, я не раз слышал: «Надо сначала дать попробовать Владику, а то ещё отравит нас». Помню, так и делали: накладывали мне в миску красные как кровь ягоды и заливали их молоком. Было очень вкусно, и я с удовольствием уплетал бруснику за обе щеки. Успокоившись, бабка накладывала её и остальным.

Тогда я не понимал всего унижительного положения, в котором оказалась мать в этой семье. Ко мне никто плохо не относился. Даже дед, когда был трезвым, иногда, брал меня с собой в конюшню, где разрешал под его наблюдением гладить тёмно-коричневого жеребца, приказывая ему: «Тпру-у! Стой, зараза!» Затем я осторожно гладил бок лошади и отходил

к сложенным в углу вожжам, над которыми висел толстый и потный хомут. «Не бойсь, – подбадривал дед прокуренным ртом с пожелтевшими белыми усами. – Он, хоть и злой, но выносливый, зараза... мать его побери. А ну, стой!» – снова приказывал он встревоженному моим присутствием жеребцу.

Затем мы шли к небольшому стогу сена – здесь же в конюшне – и я вместе с дедом, взяв охачку, клал её в ясли. Кряхтя, он насыпал овёс из большого мешка в ведро, которое потом ставил перед мордой коня. Тот сначала осторожно касался зёрен подрагивающими губами и лишь потом начинал медленно жевать.

А ещё у Щетининых была молодая корова. «Ну, – говорила бабка, – это, прямо, сущее наказание!» Бодаться любила. Хозяйку слушалась: та её выкормила, но остальных не признавала. Даже дед её побаивался. И, если Машку выпускали во двор, держал при себе плетё. Конечно, больше всех бодливую корову боялись я и мать, которой приходилось вместе со свекровью каждый вечер проводить дойку. Чувствуя её боязнь, Машка вела себя нагло: то пыталась подцепить острыми молодыми рогами материн подол, то опрокидывала ногой ведро с молоком. А доставалось снохе: и доить, мол, совсем не умеет, и к корове не знает с какой стороны подойти! Когда же приходил с работы отчим, бабка жаловалась ему и каждый раз заканчивала: «Никуды-ышная: ничего не умеет делать по хозяйству!» А собственно, где могла мать научиться вести деревенское хозяйство? В детском доме? Или на фронте? Поэтому она лишь отмалчивалась и виновато смотрела на мужа.

Но Иван жену не ругал: моя мать была красивой, статной и физически сильной женщиной. Помню, в юности, она в их шутилой возне на кровати без труда сталкивала его на пол, а потом, схватив в охачку, снова забрасывала на постель.

Настоящая была русская женщина-сибирячка, которая и «коня на скаку остановит», и «в горящую избу войдёт». Иван её любил и к жалобам своей матери особенно не прислушивался.

* * *

Наступила зима. Иртыш сковало толстым льдом, засыпало снегом. Весело и шумно местные мальчишки катались на санках с нашего высокого склона. Я же с завистью наблюдал за ними, стоя наверху: слишком круто было съезжать вниз для пятилетнего ребенка, и мне это строго запрещалось. Зато, когда у матери было время, она катала меня на санках по нашей улице, и я, подражая деду, кричал: «Но! Поехали». А подъезжая уже к своим воротам, грозно приказывал: «Тпру-у! Стой». Разумеется, при этом я опускал его «плохие слова», понимая, что за них мне здорово влетит.

А однажды мать взяла меня с собой на замерзший Иртыш, где все поселковые женщины полоскали в прорубях выстиранное бельё. В тот день стояла морозная и ясная погода. Мокрое бельё было уложено на салазки большой стопкой, и надо было следить за тем, чтобы с них ничего не упало. Поэтому я шёл рядом, наблюдая за поклажей. Иногда салазки накренились, и из кучи белья выпадала какая-нибудь наволочка или кальсоны. Я сразу же кричал: «Ма-а! Смотри – свалилось!» Она, вытирая пот со лба, бросала вожжи, привязанные к саням. Затем шла назад, чтобы уложить на место пропажу. И мы снова продолжали путь к реке.

Но вот показался заснеженный лед, и передо мной открылась белая, искрящаяся на солнце сказочная пустыня. Я прищурил глаза, чтобы посмотреть на противоположный берег. Там, слегка пригнувшись под тяжестью снега, стояли огромные ели. Они, словно могучие великаны, невозмутимо подпирали нависший над ними голубой купол неба. «Владик, не отставай! – донёсся до меня голос матери. – Смотри под ноги: сейчас начнутся проруби».

И действительно, впереди я увидел несколько круглых и на вид очень скользких отверстий, проделанных в толстом льду реки. Внутри каждого из них выглядывала, таинственно

плескаясь, тёмная вода Иртыша. Я почувствовал страх, уловив в голосе матери тревогу. Наконец, мы остановились.

– Здравствуй, Лида! Ты кого это привела? Твой, что ли? – раздался голос женщины, полоскавшей бельё в соседней проруби.

Она была, так же как и мы, тепло одета, но повязана сверху ещё и пуховой шалью, пере-тянутой на поясе. Широко расставив ноги, женщина опускала бельё в холодную воду и вынимала его назад красными руками, одновременно поднимая голову и приветливо улыбаясь нам.

– Владик! Ближко не подходи. Убью! Стой там, – приказала мне мать, испугавшись, что я двинулся к проруби.

– Не узнала. Ты его так закутала. Да и подрост. Летом, помню, маленький был. Как све-кровь-то не лютует?

– Люту-ует! Да мой пока внимания не обращает, – ответила мать. Затем задумчиво ска-зала: – Только вода камень точит. Может быть, нам лучше уехать куда-нибудь. Вон, говорят, на юге, в Пятигорске, тепло и работа есть. Отстраивают его после войны. Да и с продуктами там неплохо.

– А свёкор-то что? Говорят, бьёт тебя, из дома выгоняет, – продолжила любопытствовать односельчанка.

– Кто это тебе сказал?

– Так Валька мне рассказала, соседка ваша через дорогу. Говорит: «Прибежала она ко мне вместе со своим сынишкой среди ночи в чём мать родила. В ставни стучит, кричит: „Помо-гите! Свёкор убить хочет...“ – Ну я их и пустила. А через час её мужик одёжу принёс и их забрал».

– Да не так это было! Никто нас убивать не собирался. Твоей Вальке после того, как её муж с топором погонял, всё одно мерещится. Пьяный свёкор пристал. Захотелось ему, видите ли, на своей бывшей кровати поспать. Я – против. Тогда он закричал: «Убирайтесь отседова к такой-то матери!». Я Владика – в охাপку и – к Вальке. Ну, Иван с ним потом «побе-седовал» по-мужски. Сказал, чтоб в горницу – ни ногой. Только что толку! Трезвый – дед никого не трогает, с Владиком возится, а пьяный – дурак дураком.

Так переговариваясь, мать начала полоскать бельё и складывать его сразу же покраснев-шими руками на расчищенный от снега лёд.

Их разговор меня мало интересовал: говорилось о том, что мне было хорошо известно. Заинтересовала же ближайшая прорубь. Я заметил на её краях размытое кровавое пятно и захотел подойти поближе. Было очень страшно, но тёмная бездна как будто притягивала меня и звала к себе. Я колебался. Однако вид крови вызывал большое любопытство, и я шагнул ближе, вытянув шею. «Чья это кровь? – подумал я. – Может быть, кто-то нечаянно поскольз-нулся и упал в прорубь?.. Тогда его давно съели рыбы». – И сразу же представил себя на месте утонувшего. От этой мысли повеяло холодом подлёдного царства, в котором, я слышал, пла-вают щуки с большими зубами. – А может быть, это кровь лошади? – продолжал гадать я. – Лошадь большая! Она не могла провалиться и, должно быть, здорово ударилась об лёд».

– Ах ты, негодник! – как бы с небес послышался отчаянный голос матери. – Ты куда это полез!? Ишь, чего удумал. Ну, погоди. Сейчас я тебе покажу!

Она схватила меня одной рукой за ворот фуфайки, оттянула от опасной проруби, а другой замахнулась, что бы отхлестать ниже спины. Тёплые ватные штаны значительно заглушили её шлепки, хотя я из опыта знал, что мать всегда бьёт несильно, так сказать, для остратки.

– Ты, Лида, смотри за ним. Ишь, какой смелый! Хорошо, что я заметила. А то бы... – беспокоилась женщина, уже закончившая полоскать бельё.

Затем она запряглась в вожжи, с трудом сдвинула примерзшие ко льду сани и медленно пошла с ними в гору.

* * *

Шло время. Ухудшение отношений между снохой и свекровью, пьяные выходки деда и атмосфера унижительного недоверия постепенно подтачивали нервную систему матери. Кроме того, Иван, как и его отец, стал сам приходиться домой подвыпившим и покрикивать на жену. В результате, с матерью случился эпилептический припадок.

Это произошло днём во дворе дома, в отсутствии отчима и деда. Я не видел, как она упала на землю, забившись в конвульсиях. Но на крики свекрови сбежались соседи. И когда я выскочил из сеней на площадку нашего высокого деревянного крыльца, то увидел внизу лежащую на земле мать, окружённую соседскими женщинами. В центре круга двое мужчин, склонившись над нею, удерживали её беспокойную голову. Я сбежал с крыльца, и попытался протиснуться в круг. Женщины отеснили меня, стали гладить по голове и успокаивать: «Не бойся, сейчас твоя мама встанет». Помню, я не испугался, так как не понимал происходящего, но чувствовал, что с моей матерью произошло что-то необычное. Иначе, зачем собралось столько соседей?

Мужчины стали обсуждать, что нужно делать в таких случаях. Чувствовалось, что подобное они видят не впервой (на фронте и не такого насмотрелись!); женщины только охали и жалели мать. Свекровь металась между ними, не замечая, что некоторые из соседок показывают на неё глазами, а кое-кто осуждающе качает головой.

– Мочи ей надо дать, – сказал один из мужиков. – Марфа! – обратился он к свекрови. – Неси стакан.

– Так кто ссать-то будет? Ты что ли? – возмутилась одна женщина

– Ну, хочешь, ты, – огрызнулся «лекарь». – Только не промахнись.

– Да ладно вам. Мальчонка же есть – её сын. Где он?

– Да здесь.

Через некоторое время сама свекровь ласково спустила с меня тёплые шаровары и подставила гранёный стакан.

– Давай, Владик, пописай сюда, – стала уговаривать она, но у меня сразу почему-то не получалось.

– Стесняется, – сделал кто-то вывод.

– Заведи его Марфа за сарай. Может, там получится.

И правда, за сараем я сделал всё как надо, довольный тем, что смог выполнить общую просьбу.

* * *

Когда я подросток, мне не раз приходилось быть свидетелем эпилептических припадков у матери. На мой вопрос, почему они у неё происходят, она рассказала такую историю военных лет.

Их, девушек-связисток, собирались перебросить на другой аэродром, находящийся ближе к линии фронта. Приказали занять места в кузове полуторки в полном обмундировании и со своими вещами. Весело смеясь и визжа, девчонки залезали в кузов, помогая друг другу. Не обошлось и без помощи ухажёров – молоденьких солдат-новобранцев из охраны, которые с удовольствием заталкивали отъезжающих связисток наверх. Ждали опаздывающих. Некоторые стояли, как и моя мать, прислонившись к борту машины, другие, свесившись вниз, болтали с солдатыками.

Один из них разгорячившись, что девушки посмеялись над его молодым возрастом новобранца, достал гранату и у всех на глазах стал её разбирать, демонстрируя знание оружия. Гра-

ната разорвалась у него в руках. Парню оторвало голову, а девушек, которые стояли, прислонившись к бортам полуторки, сбросило взрывной волной на землю.

Моя мать осталась живой, но получила сильную контузию. Три месяца она провалялась в военном госпитале с сильнейшим сотрясением мозга. Месяц почти ничего не слышала, а когда выписалась из госпиталя, то не подозревала о тяжелых последствиях контузии, которые проявились позже.

...После припадка, случившегося с матерью, отношение к ней родителей отчима ухудшилось ещё больше. Теперь ко всем её «недостаткам» свекровь добавляла в разговоре с сыном слово «припадошная». Она старалась убедить его, что такая жена ему и вовсе не нужна. Иван отмалчивался и продолжал приходить пьяным с работы. Дед осмелел. Теперь он почти каждую ночь тарабанил в дверь горницы, чтобы мать пустила послушать радио. Дальнейшее проживание в доме свекрови стало для неё невыносимым. После очередного побега от разбушевавшегося пьяного тестя, мать собрала вещи, одела меня теплее, обвязав сверху пуховой шалью, и, усадив на санки, двинулась через скованный толстым льдом Иртыш в сторону Окунево.

От Евгашино до нашей деревни было километров двадцать. В дороге началась метель. Ветер дул навстречу и бросал в лицо холодные россыпи колючего снега. Не выдержав, я плаксивым голосом обратился к матери, тянувшей санки навстречу белой мгле:

- Мам! Куда мы едем? Она остановилась, подошла ко мне и потуже затянула шаль.
- Домой, сынок. Ты не замерз?
- Нет. Вот только ветер противный. Колючий.
- Ничего. Потерпи. В тайгу въедем – и он станет тише.

Я попытался всмотреться вперёд, чтобы разглядеть эту спасительную тайгу, но ничего, кроме взбесившихся снежинок, не увидел.

– А где она, тайга? Мать ничего не ответила, перекинула веревку через плечо и снова потянула за собой санки. Последнее, что я запомнил, это наступившую темноту, сладко сморившую меня в сон.

Впоследствии она рассказывала, что тогда, из-за разыгравшейся метели, сбилась с пути, и мы могли окончательно заблудиться и замерзнуть.

* * *

В то время деревня Окунево представляло собой одну улицу из покосившихся домов, стоящих недалеко от узкой и мелкой речушки с таким же названием. Двоюродная сестра матери, Грязнова Анастасия, жила без мужа (он пропал без вести в начале войны) и сама растила двоих детей. Работала, как и все окуневцы, в колхозе от зари до зари. Жила бедно и перебивалась, как могла. Тем не менее, она с радостью встретила нас. Утром отпросилась у бригадира, чтобы не выходить на работу и, как надо, встретить дорогих гостей. Затем раздобыла муки. Вместе с матерью, пока мы спали на большой русской печке, Анастасия напекла нам блинов.

В то утро мне совсем не хотелось вставать, но меня разбудили негромкие голоса Кати и Серёжи – моих двоюродных родственников. Сквозь сладкий, но хрупкий сон во время только что наступающего дня до меня донёсся их тихий разговор.

– Смотри, Серёжа, Владик приехал! Тётя Лида привезла его ночью на санках из Евгашино, – услышал я голос Кати. – Ты спал и ничего не слышал, а она говорила, что за ними в тайге всю дорогу шёл огромный волк. Глаза – злые, голодные и в темноте сверкали. Вот.

– А почему он их не стал есть? – послышался над моим ухом голос её брата.

– Тетя Лида сказала, что у неё в руке была большая палка, а за поясом – солдатский нож. Волк и побоялся напасть. До самых наших ворот провожал, пока его собаки не почуяли.

– Да волк любую собаку задерёт! – запальчиво возразил Сергей.

– Дурачок! Когда собак много, волк на них не кинется. Поэтому и отстал. Понял?

– Тише. Кажется, мы Владика разбудили.

Нехотя прощаясь со своим сном, я повернулся к ним.

– А, так вы уже не спите! – неожиданно послышался рядом ласковый голос Анастасии. Она приподнялась к нам, став на печной выступ. – Ну-ка вставайте и умывайтесь. Мы с тётей Лидой вам таких блинов напекли!

В этот же день в Окунево на лыжах примчался Иван. Он попытался уговорить мать вернуться в его дом. Однако она твердо решила больше туда не возвращаться. В глубине души отчим её понимал. Ему тоже надоели бесконечные упрёки матери, и хотелось пожить самостоятельно.

На этом и сошлись: они решили накопить денег, что бы уехать на заработки в Пятигорск. Иван в тот же день вернулся в Евгацино, а я и мать, на время, остались жить у её сестры.

* * *

Жить в Окунево мне всегда нравилось. И даже, когда мать с отчимом уехали в конце весны в далёкий Пятигорск, я не почувствовал одиночества – Анастасия и её дети сумели на время заменить её.

Их дом стоял особняком – на самом краю улицы. Он как бы прятался в глубине белых высоких берёз. Во дворе между двумя наклонившимися берёзами висели качели, сделанные из толстой и уже потемневшей доски, привязанной старой верёвкой к стволам деревьев. Сам дом был очень большой. Выложенный из почерневших от времени, дождей и снега огромных брёвен, он походил на жилище великана. Между брёвнами торчал зелёный мох, и весь старый дом как бы врос в покрытую зеленой плесенью болотистую землю.

За домом начинался густой тёмный лес, и была какая-то особая тишина. Изредка она прерывалась противным карканьем ворон да постукиванием дятла. Когда я оказывался там, меня охватывали странные чувства. Здесь было видно, как глубоко просел задний угол нашего огромного строения. Меня это сильно удивляло и пугала сама глубина оседания. «А что там дальше? – часто задавался я одним и тем же вопросом, осторожно обходя углубление, но моё детское воображение не находило ответа. – Когда-нибудь туда провалится и весь дом вместе с нами?» – приходили ко мне невесёлые раздумья. От этих мыслей становилось грустно, и я старался скорее вернуться во двор.

Зато внутри дома было очень просторно и светло. Правда, без мужских рук краска на больших окнах облупилась, а выкрашенные в коричневатый цвет широкие доски просторных палатей, подвешенных под самым потолком, закоптились от дыма печи. Пол был некрашеным. Его мыли нечасто, как правило, перед праздниками. Поливая водой из ведра, пол скребли большим ножом вдоль досок, стараясь соскоблить с них въевшуюся грязь. Затем его вытирали и опять поливали водой. Снова скребли, пока пол не становился белым. Это была не лёгкая работа! Но, когда побелевшие доски окончательно протирали тряпкой, и они высыхали после воды, в доме становилось необычайно уютно и светло, а всё помещение наполнялось ароматом свежеевымытого дерева.

Когда Анастасия уходила на работу, мы целый день были предоставлены самим себе. Уходя, она строго наказывала детям и, особенно, Кате следить за мной и не оставлять одного без присмотра. «Меня Лида просила присмотреть за Владиком и не обижать. Слышите? И ты, Катя, отвечаешь за него головой. Не забывай кормить мальчиков. В печи стоит еда, хлеб – на полке. Принесёшь воды и уберись в доме. Будь за старшую», – наставляла она.

«Старшей» Кате было всего десять лет. Она выглядела худенькой девочкой, одетой в поношенное ситцевое платьице, из которого давно выросла. Заплетённые кое-как косички с синими бантиками торчали в стороны. Её лица я не запомнил, но, по-моему, на нём имелись веснушки, и ростом она была намного выше меня.

С Сережей мы были ровесниками, если не учитывать, что мать зарегистрировала моё рождение второй раз. Это был крепыш с белокурыми волосами, веселый и добрый. Мы подружились сразу и почти не расставались до самого моего отъезда в Пятигорск. Тем не менее, не будучи старше, он, как и Катя, опекал меня по-братски и был примером для подражания.

* * *

Как-то в конце уже наступившего лета Катя предложила нам сходить в кедровник, чтобы собрать его шишек и полакомиться орешками. До кедровника мы шли не один километр по проселочной дороге между высокими и толстыми елями. И чем дальше мы углублялись в них, тем становилось темнее. Впервые в жизни я, по-настоящему, ощутил тяжёлый аромат таёжного леса, который своими вершинами закрыл небо и, казалось, затих в ожидании своей добычи. Там, в глубине между разлапистыми елями, нам мерещились волчьи глаза или грозное дыхание медведя. От страха мы невольно взяли за руки, и перешли на шёпот.

– Слышите? – тихо произнёс Сережа, указывая на густой кустарник. – Мне, кажется, там кто-то есть.

– Кто? – вырвалось у меня.

– Дед Пихто! – рассмеялся он, довольный шуткой.

После его проделки мы стали опять громко говорить, смеяться, выкрикивать отдельные слоги и слова, чтобы послушать далёкое эхо. Первоначальный страх сменился нервным весельем, которое постепенно отвлекло нас от чар могучей тайги.

И вот мы вышли из полумрачного царства елей. Над дорогой появилось солнце, подул слабый летний ветерок, а впереди, пронизанные яркими лучами света, показались высокие кедры. С криками мы разбежались в стороны, чтобы собирать в траве упавшие с них тёмно-коричневые и пахнущие древесной смолой шишки. Сережа показал мне, как можно вынуть из них небольшие орешки и дал попробовать. Помню, они мне не очень понравились.

– Ничего, вот принесём их домой да ка-ак пожарим на сковороде. Пальчики оближешь! А сейчас они сырые, поэтому и не такие вкусные, – утешал он меня, с удовольствием щёлкая орешки и поедая их белые внутренности.

Назад шли с уже полными корзинами шишек. Когда мы снова оказались в еловом полумраке, то прошли этот путь почти молча. Никто из нас не хотел показать другому свою тревогу. Серёжа, лишь для храбрости, прокричал два раза, что вызвало далёкое унылое эхо, и тоже замолчал. Постепенно мы ускорили шаг, желая скорее выбраться к солнечному свету.

Но вот показалась уже знакомая нам поляна, и Серёжа неожиданно крикнул:

– Кто быстрее?! И мы все, втроем, побежали навстречу ясному голубому небу, показавшемуся между деревьев.

Первой на поляну вырвалась Катя, за ней – Сережа и потом я.

– Конечно, она вон какая длинная, – беззлобно стал жаловаться он мне на Катю. – Её, дылду, разве перегонишь!

– Ребята, – стала дразнить она нас, – ну-ка догоняйте, карапузики!

– Сама ты карапузиха, – рассердился на её прозвище Серёжа.

– Карапузиха! Карапузиха! – подхватили мы вместе.

Притворившись обиженной, Катя стала гоняться за каждым из нас со словами:

– Ну, я вам покажу. Сейчас поймаю!

А догнав кого-либо из нас, валила на траву, садилась как бы верхом и, не больно хлопая сзади своей рукой, смеясь, командовала:

– Но! Поехали.

От такой возни все быстро устали и с хохотом повалились на траву.

А в это время солнце уже клонилось к закату. Мы вспомнили, что пора продолжить путь.

– Вставайте, мои карапузики, – ласково позвала нас Катя в дорогу, – а то скоро темнеть будет.

В тот момент она очень походила на свою мать, и слово «карапузики» уже не казалось обидным. Наоборот, оно напомнило нам о родном доме, о матери, которую мы всегда с нетерпением ждали с работы. Я не ошибся, назвав Анастасию нашей общей матерью. Обращаясь к ней, я уже давно называл ее «мамой».

* * *

К осени (а она начинается в Сибири рано) колхоз, наконец, построил семье Анастасии новый дом вместо её старого и осевшего в болотистую почву. По сравнению с бывшим, он был небольшим и холодным. Здесь уже не было палатей, а сам дом обогревался обыкновенной кирпичной печью с чугунной плитой да печкой-буржуйкой, установленной напротив маленьких окон. Буржуйку поставили дополнительно, потому что стены, выложенные из тонких бревен и обшитые досками, плохо удерживали тепло.

Помню, Анастасия, с обидой на председателя колхоза, возмущалась: «Не дом, а курятник! Даже развернуться негде. А сколько теперь дров понадобится?»

И, действительно, топить теперь приходилось чаще, даже в дождливые холодные дни. Обычная печь, в отличие от русской, имеет короткий дымоход и долго тепло не держит. Ну, а если и сам дом плохо утеплён, то помещение остывает ещё быстрее. Вот тут буржуйка и спасла нас, особенно зимой.

* * *

И вот наступила осень, а вместе с ней – школьная пора. Серёжа должен был пойти в первый класс, Катя – в четвёртый, и перед Анастасией встал вопрос, с кем оставлять меня дома. Выход нашли. Местная единственная на всю деревню учительница разрешила ей приводить меня на Серёжины занятия. А чтобы я не мешал на уроках, она посоветовала купить школьные принадлежности. Так я стал «первоклассником» и был очень горд, что, как и Сережа, пойду в школу. Анастасия купила мне букварь с красивыми картинками, тетради и цветные карандаши.

Как сейчас, я помню тот день, когда она сложила мои школьные принадлежности в холщовую сумку, сшитую ею, и, повесив на плечо, напутствовала: «Теперь ты, Владик, первоклассник. Слушайся учительницу». Конечно, я понимал, что меня отдали учиться «понарошку». Это было видно и по снисходительной улыбке самой Анастасии и по довольным лицам её детей, которые радовались за меня, как за ребёнка, получившего новые игрушки.

С первых же дней я с большим рвением взялся за учебу: внимательно слушал учительницу и, высунув язык, старательно выводил карандашом палочки в тетради. Дома я сам садился за стол, чтобы выполнить домашнее задание, чем немало удивил Анастасию.

– Ишь, какой старательный! Молодец.

– Катька! А ты уроки сделала? – переключалась она на дочь.

– Нет, мама. Пока разогрела, их накормила и немного погуляла. Наташка сказала, что у них кошка окотилась. Предлагает одного забрать. Такого беленького с чёрными ушками. А ещё...

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Уроки учила?

– Да нет же. Я тебе уже сказала...

– Ну ладно, – говорила в таких случаях Анастасия уставшим голосом. – Садись, учи, а я пойду дров на ночь немного нарублю. Зажги лампу. Керосин-то, хоть, там есть?

Так, изо дня в день, я продолжал ходить в школу. Сидел вместе с Сережей за свежеракрашенной партой и старательно тянул руку, желая ответить на вопросы учительницы. К моему огорчению, она не обращала на меня внимания, домашние задания не проверяла и не ставила никаких оценок. К тому же, у меня не было даже дневника: не полагалось. Постепенно я понял, что учить меня никто не собирается и потерял интерес к занятиям.

* * *

Наступившая зима выдалась холодной. Чтобы посещать школу, теперь нужны были валенки (старые прохудились) и тёплая одежда. Но Анастасия не смогла одеть меня и Сережу, потому что у неё не было денег. Мать писала из Пятигорска, что Ивану удалось найти работу на стройке, и они надеются забрать меня до Нового года. А пока, извинялась она перед сестрой, мы вынуждены копить на длинную дорогу туда и обратно, чтобы забрать Владика.

Пришлось мне и Серёже сидеть дома. Развлекались, как могли. Магазиновых игрушек у нас не было, и мы их делали сами. Спичечные коробочки служили нам тележками, костяные бабки (суставные кости ножек поросенка или взрослой свиньи) становились конями, а две спички – оглоблями. Сбруи, хомуты и вожжи изготавливали из крепких ниток, что требовало не только умения, но и большого терпения.

В пустой коробочке можно было возить небольшой грузик или посадить туда живого таракана, предварительно закрыв её. Когда повозки неудачно сталкивались, и при этом рвалась упряжь, мы с удовольствием снова терпеливо ремонтировали её или изготавливали новую.

Вместе с сильными морозами нас одолевал и голод. Помню, как все сидели за небольшим некрашеным столом. На нём горела керосиновая лампа, а мы с удовольствием ели варёную картошку в мундире. Ещё горячую, мы очищали её, перекидывая с руки на руку, и запивали ледяной водой, принесённой из холодных сеней. Вода в стоящей там деревянной кадке обычно покрывалась сверху тонким слоем льда, и, чтобы её зачерпнуть, приходилось сначала проламывать железным ковшом тонкий ледяной панцирь. Зато, как вкусно было запивать ледяной водой, ломящей зубы, уже очищенную картошку, посыпанную сверху крупной солью!

После ужина Анастасия обычно начинала хлопотать возле плиты, пытаясь что-либо соорудить нам на следующий день. Катя мыла посуду, а потом садилась ближе к керосиновой лампе, доделывать ещё невыполненное школьное задание. Я и Серёжа начинали играть на деревянном полу.

Ложиться спать приходилось рано, чтобы Кате успеть на занятия, а Анастасии – на работу. Мне и Серёже вставать рано было не нужно. Улёгшись на тёплые фуфайки, постеленные прямо на полу, мы, как всегда, тихонько переговаривались между собой, а красный свет огня от раскалённой буржуйки и тёмные углы комнаты давали пищу для наших ночных разговоров.

Очень ярко и зримо запомнилась одна из таких ночей. Тогда, после того, как погасла лампа и наступила тишина, мы услышали пение сверчка. Он поселился недавно и, видимо, окончательно освоившись, смело начал своё пение. Раньше он делал это осторожно. Едва начав, ненадолго замолкал, как бы прислушиваясь, и только потом продолжал дальше. Заслышав наши голоса или другой подозрительный шорох, молчал долго, пока мы не угомонимся, и не наступит полная тишина.

В ту же ночь сверчок запел, не обращая на нас внимания.

– Ишь, распелся, – промолвил Серёжа, – кажется, решил остаться. Понравилось ему у нас.

– А это хорошо? – спросил я.

– Конечно, хорошо! Вот если бы он ушёл, было бы нехорошо, не к добру.

– А какое он добро приносит?

– Ну, как тебе сказать? Просто так говорят: сверчок поселился – значит, к добру. Помнишь, в старом доме у нас тоже были сверчки?

– Ну, – допытывался я.

– Салазки гну. Понял?

– Нет, – откровенно признался я, стесняясь своей недогадливости.

– Эх, ты! Наш старый дом, говорила мама, ещё дед строил, и он вон сколько простоял. Мы замолчали, а сверчок распелся громко, как у себя дома.

– По-моему, он поселился за печкой.

– Да, там ему теплее, – уже зевая, согласился Сергей. Затем он отвернулся от меня и сразу заснул.

Я остался один со своими мыслями. Спать почему-то не хотелось. Сверчок с небольшими перерывами пел мне свою радостную песню, навевая покой и умиротворенность. В этот момент я почувствовал, что сильно люблю этот тёплый родной уголок, эти красные блики огня, исходящие от печки-буржуйки, которые рисовали мне на стенах комнаты фантастические фигуры. Беспokoйные тёмные тени в углах уже не пугали мое воображение: там пел добрый сверчок, охраняя наш покой и нашу любовь друг к другу. Я даже немного привстал, чтобы окинуть взглядом этот сказочный мир теней и огня. Тогда я не знал, что пронесу через всю свою жизнь образ этой незабываемой ночи.

* * *

И вот мать прислала нам телеграмму, в которой сообщалось, что она приедет в Окунево в начале декабря. Я и Сережа теперь с нетерпением отрывали листки календаря, висевшего на стене, и считали на пальцах, сколько дней осталось до её приезда.

– Тетя Лида, говорила мама, сейчас едет на поезде до самого Омска, а потом будет добираться до нас на машине! – поделился со мной очередной новостью Сережа. – Ты был когда-нибудь в Омске?

– Нека.

– Я тоже не был, – задумчиво произнес он. – Говорят, что Омск большой город. Почти как Москва.

– Да. Мне моя мама рассказывала. Он очень большой!

– Эх! Везёт тебе, – с мальчишеской завистью признался Серёжа. – Вот вырасту, тоже туда поеду.

Желанный день наступил. Анастасия ещё с вечера прошедшего дня замесила тесто, купила на последние деньги в Окуневском магазине бутылку водки и конфет. С утра она нарубила дров, растопила печь и вместе с Катей стала жарить пирожки с капустой. Я и Серёжа ещё спали, но, почувствовав ароматный запах, сразу проснулись.

– Ага! Учужали, мои карапузики, – рассмеялась Катя.

С того похода за кедровыми орешками к нам приклеилось это прозвище, но мы уже привыкли и не обижались. Она сунула каждому по горячему пахучему пирожку со словами: «Нате вот, ешьте да больше не просите. Скоро тётя Лида приедет».

Мы стали надевать на себя одежду, держа надкусанные пирожки в зубах. Доев их, залили холодной водой и, даже не умывшись, прильнули к покрытому инеем окну. Но причудливые, словно из сказки, застывшие на стекле кристаллики льда мешали нам рассмотреть двор и уличную дорогу. Мы стали по очереди дышать на иней, скрести его ногтями, пока не появилось прозрачное отверстие.

Перед нами открылась часть двора, а за невысоким забором – пустынная улица. Едущей машины и даже людей нигде не было видно. Мы ещё посидели возле подоконника, в надежде

первыми увидеть или услышать подъезжающую к дому машину. Затем вернулись к своим играм, изредка поглядывая на окно и прислушиваясь.

Постепенно мы так увлеклись ими, что не расслышали шум подъезжающей к дому машины.

– Мама! Владик! Серёжа! – закричала чуткая Катя. – Тетя Лида приехала. Охнув, Анастасия присела на стоящую рядом некрашеную табуретку со словами: «Наконец-то. Господи, благослови!» – и в чём была, надев на ходу валенки, выбежала во двор. Катя – за ней. Мы же кинулись к окну. Но проделанное отверстие успело подмёрзнуть. Наши пальцы начали яростно скрести его ногтями – но было поздно: голос смеющейся матери, восторженные крики Анастасии и Кати уже раздавались в сенях. Я подбежал к настежь распахнутой двери и застыл на пороге в ожидании. Мать сразу заметила меня и бросилась навстречу.

– Владик! Сыночек. Я так соскучилась по тебе, родной!

Она, не раздеваясь, подхватила меня на руки, занесла в комнату и расплакалась.

* * *

В Окунево, дожидаясь обратного отъезда машины в Омск, мы с матерью пробыли ещё три дня. В дом Анастасии зачастили соседи, чтобы посмотреть на Лидку, которая переехала жить на юг в далёкий Пятигорск. Некоторые интересовались, можно ли там устроиться на работу, найти жилье, как с продуктами и тому подобное. Мать подробно описывала условия проживания на новом месте и старалась во время разговора не отпускать меня от себя. Она то прижимала одной рукой мою голову к себе, разговаривая с гостем, то, сидя на табуретке, во время беседы обнимала меня ногами и руками, а я, облокотившись на её сильные ноги, был вынужден (в который раз!) слушать её рассказ о Пятигорске.

Серёжа скучал, и было видно, что ему не хватает меня. Он почти не притрагивался к игрушкам и даже один раз показал язык, недовольный тем, что я покинул его.

– Мам! Я хочу с Серёжей поиграть. Можно?

– Можно, можно, сынок. Иди, поиграй с ним, – опомнилась она.

– Отвык, видать, от родной матери, – шутливо промолвила собеседница и, вставая, добавила: – Настя-то ему вместо тебя была.

Когда ушла очередная соседка, я краем уха услышал негромкий разговор матери с Анастасией.

– Настя, возьми. Это тебе за Владика. Небось, денег у тебя мало. Возьми! – настаивала мать. Послышалось шуршание бумажных денег и рассерженный голос Анастасии:

– Ты что это, Лида, с ума сошла?! Я за наших с тобой детей деньги не возьму. Ишь, чего удумала! Забери: тебе его ещё назад, вон сколько, везти надо. А в дороге деньги лишними не бывают. А за меня не волнуйся. Я – дома, да и трудодни скоро получу.

– Ну ладно. Не обижайся, Настя. Спасибо за всё.

На другой день мать поехала на попутной машине в Евгашино и привезла мне и Серёже по тёплому пальто и две пары валенок, а Анастасии с Катей – пуховые платки.

– Ну, зачем ты, Лида, так растратилась, – ворчала Анастасия, но от подарков не отказалась, чтобы не обидеть сестру.

Больше всех обновам, конечно, обрадовались я и Серёжа. Примерив пальто и валенки, мы сразу засобирались на улицу, чтобы показаться местным мальчишкам. Они катались на санках возле замёрзшей речки и встретили нас с большим интересом.

– Эй! Смотрите! «Грязнухи» пришли, – крикнул один из них.

«Грязнухами» прозвали семью Анастасии из-за фамилии и бедности, а заодно – и меня.

– Я тебе, Федун, сейчас покажу, кто из нас «грязнуха», – вскипел Серёжа.

Он бросился догонять мальчишку на голову выше себя, ухватил того за ворот и повалил в снег. Усевшись верхом, Серёжа ткнул его туда головой. Когда обидчик поднял голову с полным ртом снега, то окружившие их деревенские ребята разразились хохотом.

– Ну что, наелся? – спросил поверженного и опозоренного противника Серёжа. – Хочешь ещё попробовать?

– Отпусти, – промычал тот.

– Серёга! Дай ему ещё, – закричали ребята, – Будет знать, как к другим лезть!

– Ладно, хватит ему: лежачего не бьют, – ответил Серёжа, отпустил Федьку и стал отряхивать снег с нового пальто.

* * *

На следующее утро наступил день отъезда. Людей для поездки в Омск набралось немало. Шофёр, покрикивая на женщин с детьми, приказал им располагаться ближе к кабине, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь не вылетел через задний борт. Сверху кузова был натянут на железные арки, приделанный к бортам машины брезент, который закрывался сзади наподобие двух штор. Поперёк – стояли длинные лавки для пассажиров, а в углу, возле кабины, – железная бочка, папахивающая бензином.

На прощание мы стали обнимать друг друга. Анастасия поцеловала меня и тайком перекрестила. Затем послышался нетерпеливый гудок и сердитый голос шофера: «Залезайте в машину! Ехать далеко. В кузове не курить: там стоит бензин». После его слов мать подхватила чемоданы, поставила их на деревянные доски открытого кузова и, взобравшись наверх, потащила к кабине. Подошёл шофёр. «Ну-ка давай, малый», – сказал он мне, подхватил за подмышку и помог взобраться наверх.

Затем послышался лязг закрывшегося заднего борта машины. Я стал пробираться между ног отъезжающих к матери и, добравшись до неё, уселся рядом на лавку. Анастасия с детьми продолжали махать руками, уже не видя нас в полумраке натянутого тента. Мотор машины затарахтел, и она медленно тронулась с места. Последнее, что я запомнил, это растерянное лицо Серёжи с поднятыми над головой руками.

* * *

Дорога в Омск показалась вначале приятной. Правда, не было света, но я вслушивался в надсадный вой мотора и представлял себе, как мы с матерью доберёмся до Омска, а потом сядем в настоящий поезд. В груди у меня всё пело от счастья. Я тесно прижался к матери, которая накрыла меня старой, драной шубейкой, отданной Анастасией для дороги.

– Тебе не холодно? – спросила она.

– Нет, – ответил я и спросил: – А на паровозе мы долго будем ехать?

– Долго. Очень долго, – почему-то вздохнула мать, но меня её ответ сразу успокоил.

– Это хорошо! Сережа сказал, что когда выучится на машиниста, то сможет приехать к нам. Знаешь, мам, я тоже решил стать машинистом. Тогда мы сможем приезжать друг к другу в гости. Правда?

– Для этого, сынок, надо хорошо учиться в школе.

– На одни пятерки?

– Да.

– А мне в школе учительница оценки не ставила и даже не проверяла задания. Говорила, что я ещё маленький, – пожаловался я.

– Ничего. На следующий год ты подрастёшь, и будешь учиться в Пятигорске.

– А Пятигорск большой город?

– Он не большой, но красивый. А ещё там очень высокие горы.

– До облаков?

– До облаков, – подтвердила мать.

Я замолчал, поражённый воображением. Таких высоких гор нигде в Окунево, и даже в Евгашино, мне не приходилось видеть. В темноте послышался плач грудного ребенка, а затем – рассерженный голос его матери:

– Мужики! Перестаньте дымить. Дышать нечем! Её поддержали другие женщины, словно пчелиный улей. В ответ мужчины поворчали, но стали курить по очереди, высовываясь сзади кузова между брезентовыми шторами.

Однако мороз крепчал, и теперь женщины стали ругаться на курящих, требуя вообще плотно закрыть брезент.

– Вот бабы! И так им не этак, и этак не так, – послышался шуточный голос молодого парня.

– А ты, видать, ещё никак не умеешь – раздался в темноте голос молодой женщины, и бабы поддержали её общим смехом.

Сконфуженный парень замолчал. Мужчины нехотя закрыли штору, но продолжали, покуривать втихаря, отчего табачный дым снова заполнил небольшое пространство кузова. Так, под истошный шум мотора, плач младенца и переругивание женщин с курящими, я сладко заснул, положив голову на колени матери.

Проснулся неожиданно. К горлу подступала тошнота, болела голова, а шум мотора уже не казался успокаивающим. Наоборот, он с тревогой отдавался в моём теле и вместе с резкими толчками всей машины ослаблял силы. Сильно пахло бензином, запах которого и вызывал тошноту. Люди шумели, а некоторые стали стучать по кабине шофёра.

Тот остановил машину и подошел к заднему борту.

– Граждане, пассажиры!.. – начал он. Но разозлённые мужчины и испуганные женщины не хотели его слушать и потребовали немедленно открыть задний борт. Некоторых рвало, и мужчины закинули наверх обе брезентовые занавески. Ворвавшийся морозный воздух сразу принес облегчение.

Мать прыгнула вниз, подхватила меня и поставила на заснеженную дорогу.

– Как ты себя чувствуешь, Владик? Тошнит? – обеспокоенно спросила она.

– Тошнит! И голова разболелась.

– Ах, ты мой бледненький... – внимательно всмотрелась она в моё лицо, а затем присела на корточки и поцеловала в щеку.

– Ты что же это, черт бородатый, нас отравить удумал?! – послышался рядом истеричный голос женщины с грудным ребенком на руках, которого она трясла, чтобы он не орал.

– Граждане! – снова попытался вступить со всеми в разговор шофер. – Так как же мы без бензина почти двести километров проедем. А? Куда мне эту бочку ставить?

– Это верно, – помолчав, согласились мужчины, и женщины сразу притихли.

– Значит так, гражданки, – обратился шофёр к женщинам. – Прошу шторы плотно не закрывать. Во время пути будем делать чаще остановки, чтобы выходить из машины проветриваться или «сходить до ветру». Кто с детьми, пересядьте ближе к заднему борту. А мне придётся ехать медленнее, чтобы вас не вытрясти. Всем понятно?

– А на поезд не опоздаем? – спросил кто-то из женщин.

– Ну, если опоздаем, на другой день уедешь, – успокоил он её, усмехнувшись в бороду. – Мамаш в этот раз много набралось, – как бы оправдываясь, обратился шофёр к стоящим рядом мужчинам. – Запечатались под брезентом, а проветривать кузов бояться. Правильно я говорю? – и они, соглашаясь, закивали головами. Подождали тех, кто «бегал до ветру», и шофёрскомандовал:

– А теперь – по коням! Плохо будет – стучите, – и пошел к кабине.

Все молча расселись, как посоветовал шофёр: женщины с детьми – ближе к заднему борту, мужчины – к кабине машины. Курить там они уже не решались из-за бочки с бензином, а протискивались осторожно по одному к брезентовым шторам, которые свободно болтались на ветру, и теперь никто не требовал их плотно закрывать.

Холодный воздух вскоре остудил кузов, и женщины попросили все-таки плотно закрыть брезент, чтобы не простудить детей. Но пары бензина снова накапливались, и шторы снова открывали или делали остановку. Наконец, чтобы не опоздать к поезду, было решено делать меньше остановок, а открывать шторы, когда кого-нибудь рвало или кто-то из мужчин высывался покурить.

За всю дорогу нам с матерью пришлось раза три подползать к заднему борту, чтобы опорожнить свои желудки. При этом надо было крепко держаться за борт, чтобы не выскочить из машины, высунув голову наружу. Из-за холода и постоянной тошноты я, помню, сильно устал. Мне уже казалось, что наша поездка никогда не закончится. Ослабленный, я заснул, положив голову матери на колени, и не заметил, как машина въехала в Омск.

Проснулся от несильных толчков материнской руки.

– Владик! Вставай, мой маленький. Мы уже приехали, – склонившись надо мной, проговорила она в ухо.

Я открыл глаза. Задний борт машины уже свесили вниз, и наши попутчики, помогая друг другу, покидали её. Мать подала чемоданы шоферу, затем – меня и с его помощью спрыгнула на покрытый тонким слоем снега городской асфальт. От яркого дневного света я зажмурил глаза, а когда снова открыл, то увидел, что мы находимся на большой площади.

– Вот мы и в Омске, сынок. Нравится? А во-он то красивое здание – железнодорожный вокзал.

Я стал с удивлением рассматривать новый для меня мир – высокие многоэтажные дома, поток объезжающих привокзальную площадь машин и целые толпы людей идущих вдоль домов.

– Нравится, – немного помедлив, ответил я.

Наша машина стала с шумом отъезжать и, когда я посмотрел ей вслед, то увидел на заднем борте свисающие сосульки рвотных масс, застывших на крепком морозе.

Внутри вокзала меня поразило обилие света, широкие деревянные лавки со спинками и блеск стеклянных окошечек, за которыми сидели сердитые тети, покрикивающие на людей, толпящихся перед ними. Мать усадила меня на одну из лавок и поставила рядом чемоданы. Она огляделась вокруг и обратилась к сидевшей рядом пожилой женщине.

– Вы бы не могли посмотреть за сыном, – кивнула она в мою сторону, – и за чемоданами, пока я куплю билеты?

Соседка глянула добрыми глазами и, не задумываясь, ответила:

– Конечно, родненькая. Иди, иди... – махнула она в сторону стеклянных окошечек, и заметив нерешительность матери, успокоила: – За него не бойся: присмотрю.

После ухода матери, она полезла в свою сумку, вытащила конфету-подушечку и протянула мне.

– А тебя как зовут? – ласково спросила она при этом.

– Владик, – негромко ответил я и взял конфету.

– Как?

– Владик!

– Ах, Владик! А я, дура глухая, сразу-то не расслышала. И куда вы с мамой едете?

– В Пятигорск, – последовал мой гордый ответ.

– Это, где ж такой город находится? Что-то и не слышала про него.

– Мама сказала, что там большие горы. Аж, до облаков!

– Аж, до облаков? – как эхо, задумчиво повторила собеседница. – Никак, далеко вам с мамой придётся ехать, – посочувствовала она.

Несколько минут мы сидели молча. Засунув конфету за щёку, я наблюдал, как мать постепенно приближалась в очереди к окошку сердитой тети, которая уговаривала людей не волноваться, и обещала, что билетов хватит на всех.

Когда мы, наконец, оказались в поезде, на улице было темно. Плацкартный вагон встретил нас гулом говорящих со всех сторон пассажиров, полумраком редких светильников и воздухом, наполненным табачным дымом. Я стал проситься на верхнюю полку, но мать сказала, что оттуда можно упасть, поэтому там будет спать она. Мне же предложила сесть за столик и посмотреть на огни покидаемого нами города.

Я никогда не видел такого моря света и стал просить мать, чтобы она тоже смотрела в окно. Она смотрела, поддакивала моим удивлённым возгласам и одновременно доставала из чемодана хлеб, вареную картошку в мундирах и купленный на привокзальной площади кусочек сала.

На одной из длинных остановок мы вышли погулять на перрон. Я попросил показать паровоз, и она повела меня вдоль длинных вагонов поезда туда, где слышалось мощное шипение. Когда мы подошли поближе, передо мной предстало чёрное чудовище. Оно дышало, выпуская из себя пар, а иногда издавало очень пронзительный свист и выбрасывало в небо огромное облако чёрно-белого дыма. Его раскрашенные в красный цвет колёса и поршни походили на сомкнутые челюсти, что-то пережёвывающие внутри себя.

Огромная красная звезда, украшающая переднюю часть паровоза, вызвала у меня уважение: пятиконечные звездочки я часто видел в школе у пионеров. Их давали, слышал я, не каждому, а только тем, кто хорошо учился и помогал другим.

– А что, мама, этот паровоз хорошо учился? – спросил я.

– Почему ты так решил? – удивилась она странному вопросу.

– У него, видишь, – показал я пальцем, – красная звезда, как у пионера. Мать немного растерялась, но, подумав, ответила:

– Конечно, красную звезду просто так не дают. Вот и ты, если будешь хорошо учиться в школе, тоже получишь красную звёздочку.

– И тогда смогу ездить на таком паровозе?

– Когда вырастешь большой – сможешь.

Уже лежа в вагоне на нижней полке, я прислушивался к стуку колес и воображал, как впереди всех вагонов несётся наш чёрный паровоз с большой красной звездой на своей широкой груди. Там-та-та-там та там-та-та-там... – беспрерывно отбивали ритм колёса. Они несли меня к неизвестной и, как мне казалось, счастливой жизни в далёком Пятигорске.

Глава 2. Городская жизнь

По мере продвижения нашего поезда на юг деревья становились меньше ростом, а высокие ели совсем исчезли. Подъезжая к Пятигорску, я уже видел в окне вагона только голые низкорослые деревья да скудный кустарник на едва припорошенной снегом прошлогодней траве. Через неделю утомительного пути и за несколько дней до Нового года я и мать, наконец, ступили на перрон пятигорского вокзала.

От былой радости начавшегося путешествия у меня не осталось и следа. Только скорое наступление новогоднего праздника да предстоящая жизнь в неизвестном городе придавали мне ещё бодрость и надежду увидеть нечто более интересное, чем поездка в прокуренном и холодном вагоне поезда.

В первую очередь, оказавшись на привокзальной площади, я начал искать горы до облаков. Но сколько не крутился, ни одной не нашёл и стал теребить чемодан матери.

– Ма! Ты говорила, что в Пятигорске горы до облаков. А где они?

– Горы? – о чём-то думая, переспросила она. – Ах, горы? Видишь, к нам едет трамвай?

– Это который красный, как маленький поезд? – указал я на вынырнувшие из-за поворота улицы, гремящие и почему-то звонящие два вагончика.

– На нём мы сейчас будем добираться домой. Там ты и увидишь Машук. Гору Машук, – поправила она.

Тем временем трамвайчик успел выгрузить на остановке людей, лихо развернулся и подъехал к нам. Небольшая толпа народа хлынула в сложившуюся пополам, как гармошка, деревянные двери.

– Ну-ка, сынок, залазь наверх по ступенькам да, смотри, не упади, – приказала мне мать, держа в обеих руках тяжёлые чемоданы.

Какой-то молодой мужчина подал сверху руку и помог ей затащить вещи. Толпа пассажиров «внесла» нас внутрь небольшого вагона, где по обе стороны вдоль стен располагались жёлтые деревянные лавки. Мест нам не досталось, но какая-то сердобольная пожилая женщина попросила сидящих раздвинуться и усадила меня возле себя.

Мать поставила чемоданы рядом, и я, успокоившись, стал смотреть в окно на несущиеся мне навстречу дома, деревья и голые кустарники вдоль дороги. На каждой остановке молодая девушка в кабине водителя дергала за железную ручку на толстой верёвке, отчего трамвай издавал переливистый звонок, предупреждающий пассажиров об отправлении. Постепенно их становилось меньше, и мать смогла сесть рядом со мной.

– Нравится Пятигорск? – спросила она.

– Здорово! – ответил я, упершись носом в протёртое моей рукой запотевшее стекло окна вагона.

Спустя некоторое время она позвала:

– Скоро выходить... Пойдём к двери.

Когда мы вышли из трамвая, то я сразу почувствовал сырость пятигорской зимы, несмотря на то, что снега было мало. Вместо него, кое-где виднелись слегка припорошенные лужи на мокром чёрном асфальте.

– Почему так мало снега? – удивился я. – На Новый год, мама, его тоже мало будет?

– Хорошо, если ещё будет. Это Юг, тёплые края. Есть страны, в которых снега вообще не бывает.

Такое известие немного расстроило: мне никогда не приходилось встречать Новый год без снега.

– А как же на санках кататься?

– Да никак! Но ты не переживай. По радио передавали, что в этот раз снег выпадет к Новому году. Чувствуешь, какой стал холодным ветер?

– Чувствую, – отозвался я.

– А во-он гора Машук. Только сейчас она вся в облаках, и в тумане её вершина не видна. Я вгляделся. Там, куда показывала рука матери, возвышалось нечто огромное и поросшее голыми деревьями, между которыми изредка выглядывали белые многоэтажные дома.

– Это санатории, – пояснила мать. – В них отдыхают и лечатся больные люди.

Когда наступит лето, мы обязательно сходим туда. Я покажу тебе наш городской Цветник, каменного Орла и даже Провал. Ну а там, – показала она в противоположную сторону, – находится гора Бештау. Она ещё выше Машука, но её отсюда не видно, потому что она находится далеко на другом краю города.

– А к ней ты меня сводишь?

– Нет, сынок. Она большая и опасная. Детей водить туда нельзя.

– Детей нельзя водить? – удивился я. – А почему?

– Потому, что кончается на «у», – рассмеялась мать.

* * *

Тогда она и предположить не могла, что её сыночек в десять лет, сговорившись с двумя закадычными друзьями, Вовкой и Витькой, ничего не сказав родителям, уйдёт ранним летним утром «штурмовать» самую высокую вершину пятиглавого Бештау высотой в одна тысяча четыреста метров.

Помню, мы решили подниматься к вершине по прямой линии, наугад и совершенно не зная дороги. Из-за этого нам пришлось продирааться сквозь дикий колючий шиповник, во множестве разросшийся на склонах горы. При подъёме неожиданно наткнулись на заброшенный рудник, где, по словам Витьки, якобы раньше добывался уран. Опасаясь возможной охраны, мы перешли на шёпот и стали продвигаться ползком (как разведчики!), пока не обошли этот таинственный и глубокий кратер.

И вот перед нами открылась лысая и остроконечная покрытая густой высокой травой самая высокая вершина Бештау. Теперь мы были почти у цели и, несмотря на усталость, ускорили восхождение. Для удобства стали цепляться за большие глыбы камней, как бы разбросанных по траве крутого склона. Хватаясь за них, было легче подниматься. Но когда один из камней вырвался из-под руки Витьки и скатился с крутизны рядом со мной, стало ясно: их лучше не трогать.

Постепенно склон вершины становилась всё круче и круче, но нам казалось, что ещё немного – и мы окажемся на самом верху. Но не тут-то было! Крутизна подъёма продолжала увеличиваться, и нам пришлось взбираться наверх уже на четвереньках, цепляясь за траву, чтобы не скатиться вниз.

Наконец, наш маленький отряд достиг вершины. Она представляла собой горизонтальную площадку, так же покрытую густой и шевелящейся от сильного ветра травой. Кое-как мы вскарабкались на неё и рухнули на спины, раскидав в стороны усталые руки и ноги.

Несколько минут все молчали, тяжело дыша и наслаждаясь покоем. Отдышавшись, заговорили. Над нами свистел ураганный ветер, и мы стали обсуждать, можно ли при таком ветре удержаться на ногах, чтобы полюбоваться окрестностями. Дело в том, что самая высокая вершина Бештау представляет собой довольно маленькую площадку, с которой можно легко свалиться под напором сильного ветра. Посоветовавшись, всё-таки решили подняться, взявшись за руки.

И вот, вцепившись друг в друга и преодолевая инстинктивный страх, мы встали! Свистящий ветер продолжал пугать нас, но когда мы увидели под своими ногами родной город и его

окрестности, раскинувшиеся до самого горизонта, страх быстро пропал. Обдуваемые со всех сторон пронизывающим ветром, голодные и очень усталые, мы стали кричать и показывать друг другу знакомые места лежащего перед нами как на ладони Пятигорска. В тот радостный миг наши детские сердца переполнились великой гордостью за проделанный подъём. Мы почувствовали себя, стоя на самом верху Бештау, великими путешественниками. И это детское чувство гордости мне запомнилось на всю жизнь!

Пока мы были на вершине, солнце стало клониться к закату и напомнило о том, что нас могут уже искать родители. Надо было спешить домой. Однако спуск вниз оказался опаснее. Мелкие камни теперь летели нам вслед, поскольку приходилось буквально сбегать вниз. Мы остановились, напуганные камнепадом, и стали высматривать более безопасный спуск. Оглядевшись, заметили каменную тропинку, спускающуюся вниз по более отлогому соседнему склону горы и пересекающую ещё одну её небольшую вершину. При нашем восхождении этой тропы не было видно. И только теперь мы догадались, что именно здесь пролегла дорога, по которой пробирались наверх более сведущие путешественники.

Переход по другому спуску значительно удлинил путь, и мы вернулись домой только к восьми часам вечера. Бедные родители от кого-то уже узнали, куда мы ушли. Они сильно волновались весь день и обещали сочувствующим соседям устроить нам хорошую взбучку.

Но когда мы вернулись целыми и невредимыми, но очень уставшими, с исцарапанными до крови руками и лицами, то, поворчав для приличия, родители притихли. Мать помыла меня и усадили за ужин. Ведь победителей не судят. Не правда ли?!

* * *

Новый год я уже встречал в кругу своей новой семьи и компании соседей-строителей. Наша квартира находилась на пятом этаже серого с толстыми стенами дома, пострадавшего во время войны от бомбёжек. Помещение было довольно обшарпанным, и можно было предположить, что до нас здесь долго никто не жил. Ободранные обои, наспех вставленные в окна куски стекла с неровными краями да облупившаяся краска на полу требовали ремонта. Но его пока не делали, решив на время поселить в дом строителей с их семьями.

Наша мебель состояла всего из одного стола и нескольких табуреток, сбитых отчимом из строганных досок. На одной из стен висела самодельная вешалка. Но кроватей не было, из-за чего приходилось спать на полу на где-то раздобытых родителями старых матрасах.

Вскоре пришли гости из соседних квартир, а с ними – и знакомые мне по дворовым играм дети. Было очень весело. Сначала мы галдели и бегали по лестничным пролётам дома со сломанными перилами, а потом всех гостей пригласили к праздничному столу.

Кому постарше, разрешили выпить тёмно-красного вина в честь наступающего праздника. Я хорошо помню, что оно называлось «Вермут». Один из рабочих налил его в рюмку и подал мне.

– Ну-ка попробуй, сынок.

– Коля, – вмешалась сидящая рядом женщина, – ему ещё рано.

– Ничего! – ответил тот, будучи уже навеселе. – Пусть попробует. Оно ж, Маша, сладкое...

Я посмотрел на отчима. Он держал полный стакан и одобрительно улыбался. Потом – на мать. Она погрозила пальцем, но за меня вступились двое мужчин, а одна молодая женщина крикнула:

– Да, брось ты, Лидка! С одной ему ничего не будет. Пусть человек выпьет за Новый год!

– Ну ладно, – согласилась мать, – только одну! – И погрозила мне пальцем.

Лишь после её слов я взял рюмку и осторожно отпил. Мужчины с любопытством стали наблюдать.

– Ну как? – спросил один из них.

– Сладкое, – смущённо ответил я.

– А я что говорил! – рассмеялся тот, кто был навеселе.

– Давай, давай, Владик! – подбадривали остальные, заметив, как я медленно и несмело начал опустошать рюмку.

Вино подействовало не сразу, но поразило меня сладостью и горячим ароматом, который постепенно стал растекаться по всему телу. Было очень приятно ощущать это тепло, от которого стала кружиться голова. Таких ощущений я не испытывал раньше и, когда начали разливать по второму разу, захотел попробовать ещё.

Но вторую рюмку мне уже не налили. Помня пьяные дебоши деда, я знал, что пить – плохо, но вот, если бы налили ещё, не отказался. Просить же самому мне не позволила гордость маленького человека, у которого уже начиналось складываться презрение к пьянству. И этот первый в жизни глоток удивительного «Вермута», вкус которого я помню до сих пор, был и первым испытанием формировавшейся во мне силы воли.

* * *

После праздника мать попыталась устроить меня в детский сад, но свободного места ни в одном из них не нашлось. «Деньги надо давать, – подсказала соседка по дому. – Пятигорск – город бластной. Не дашь – от ворот поворот». Но на взятку у нас денег не было, да и к осени мне пора было идти в школу. Поэтому решили, что до начала учёбы я буду находиться под присмотром этой же соседки, которую звали тётя Валя. Она не работала по инвалидности и с удовольствием согласилась присмотреть за мной. Дело в том, что я подружился с её сыном, впрочем, как и со всеми ребятами двора. Тетя Валя всегда ласково называла его Петенькой, за что он получил от нас, мальчишек, прозвище Петюньчик. Правда, оно ему не очень нравилось, но в нашей дворовой компании была своеобразная демократия: если все признали данное кому-нибудь из нас прозвище, то оно «прилипало» навсегда. Конечно, кого постарше да посильнее, обзывать открыто побаивались. За такое можно было «схлопотать» и по шее.

Сына тети Вали я не обзывал. Тот был добрый и безобидный мальчик. Обращаясь к нему, называл просто Петькой. Иногда приходилось защищать его от любителей подразнить слабого, за что его мать относилась ко мне с симпатией и часто приглашала в гости. Моя же мать старалась не оставаться в долгу. Иногда совала ей «трёшку» и оставляла в нашей квартире больше продуктов с тем, чтобы я мог угостить и Петьку. Таким образом, мне пришлось снова сидеть дома, дожидаясь начала учебного года.

После работы на стройке мать с отчимом отправлялись, как тогда было принято говорить, «шабашить», то есть подрабатывать на стороне. Шабашка для отчима находилась всегда. Иван Григорьевич, так уважительно звали его приглашающие, был на все руки мастер. Помнится, не было ни одного взятого им нового дела, с которым бы он не справился.

Любопытный от природы Иван обладал хорошей памятью и хваткой русского самородка-самоучки. И имея отчим приличное образование, возможно, достиг бы чего-то большего. Однако его образование ограничивалось только четырьмя классами начальной школы.

Отчим оправдывал свою малограмотность тем, что начал работать рано, с четырнадцати лет, чтобы прокормить выросшую его большую семью. Ему приходилось помогать отцу, класть печи. Потом – война. «Ну, а после, – рассказывал он, – какая учёба? Надо было поднимать младших братьев». Видимо, из-за этого его родня и ополчилась против матери: она вводила из семьи хорошего кормильца.

Отлично сознавая, что его способностям не хватает дальнейшего образования, Иван Григорьевич болезненно относился к этому пробелу. А будучи от природы ещё и хвастливым человеком, завидовал образованным людям, перед которыми его способности и смекалка как бы

блекли. Эту зависть он пронесёт через все годы моей учебы в средней школе. Но это будет потом. Пока же я находился целыми днями на улице и постепенно осваивался в окрестностях нашего дома.

А поселили нас, семьи рабочих, приехавших из разных городов страны, в самом центре Пятигорска. Рядом, через дорогу, находилась школа №1. Поговаривали, что в нашем доме когда-то проживали работники КГБ, а их дети учились в этой школе. Недаром, она называлась образцовой и была обнесена высоким кирпичным забором, перелезть который нам, мальчишкам соседнего двора, было не под силу.

Наступил 1953 год. И вот, в начале марта, в день смерти товарища Сталина, мы смогли увидеть сразу всех учащихся школы №1. Уже с утра, после объявления по радио о кончине Вождя всех народов, из репродукторов непрерывным потоком лилась траурная музыка. Но никто и предположить не мог, что похоронная процессия пройдёт в тот день и мимо нашего дома.

Мы не поверили ушам, когда вдруг услышали вдалеке, в начале улицы, траурный марш, исполняемый духовым оркестром. На его заунывные звуки весь двор вывалился на тротуар. Действительно, по уличной дороге к нам приближалась траурная процессия. Впереди всех невозмутимо шёл и играл похоронный марш духовой оркестр. За ним, с красным знаменем и чёрными лентами, шагал в такт музыки высокий мужчина средних лет с заплаканными глазами. «Сам директор школы, Николай Иванович, знамя несёт», – тихо прокомментировал кто-то из женщин, выбежавших вместе с нами. За директором шли юноши в белых рубашках и с чёрными бантами на груди. Они несли знамёна и венки с чёрными лентами. «Это комсомольцы», – послышался голос остановившегося прохожего.

Другая, самая длинная часть колонны, состояла из пионеров. Последние держали в руках красные плакаты с написанными бронзой словами прощания с дорогим Вождём и Учителем. Одеты они были, как и комсомольцы, в белые рубашки и блузы. В узлах их красных галстуков виднелись вплетённые чёрные ленточки, с которыми легкомысленно играл весенний ветерок.

Разинув рты, мы стали глазеть на эту красно-чёрную процессию. Кое-кто из участников шествия плакал. В основном, это были преподаватели, идущие во главе своих классов да некоторые «сознательные» пионеры, девчонки. Остальные шли молча и тихо переговаривались между собой.

Когда траурная колонна скрылась за поворотом школьного забора, и до нас стала долетать только затихающая медь оркестра, кто-то из взрослых сказал:

– Вот и не стало товарища Сталина!

– Да, хороший человек был, – ответила одна старушка и утёрла глаза краем платка, покрывающего её голову.

Затем она стала креститься за упокой Вождя народов, но стоящий рядом молодой мужчина в очках сделал ей замечание:

– Бабушка! Чего ты крестишься? Сталин был коммунистом и в бога не верил.

– Там, – ответила она, показывая корявым пальцем вверх, – мы все одинаковы перед Господом – и коммунисты, и не коммунисты. Царство ему небесное, – повторила она ещё раз и добавила крест со лба.

Окружающие замолчали, словно рассуждая про себя, кто же из них прав. Затем со словами соблезнования люди начали потихоньку расходиться. Некоторые, воспользовавшись встречей, стали переговариваться между собой. Особенно выделялась одна полная женщина, неожиданно начавшая из-за чего-то громко возражать своей товарке:

– Таня! Да, что ты говоришь? Прятала я эту бутылку проклятую от него целую неделю. Под умывальником. И что ты думаешь? Каждый день смотрела – она стояла на месте. Мне уже его самой стало жалко. Вижу, что чует он: где-то прячу. – «Нет, – думаю, – потерпишь,

голубчик!» – А к нам брат обещался на днях зайти в гости. – «Вот когда придёт, – успокаивала я себя, – тогда вам и выставлю: жрите на здоровье».

А потом он, Зина, чего-то успокоился и даже, смотрю, повеселел, улыбается. Бутылка – на месте. Водка в ней целая. Но ночью всё-таки не выдержала. Потихоньку встала, достала её родимую, пробку-то пощупала, а она бряк – да на пол. Понюхала из горлышка – простая вода. Я – к нему. Дергаю за одеяло, а он, рожа проклятая, как засмеется и говорит: «Ну, что, дура, святую воду пасла? Дак, её ж можно и из-под крана налить!».

– Тьфу! – отвечаю. Вот придёт твой брат, так я вам из-под крана не одну, а две бутылки налью.

В это время в начале нашей улицы снова послышалась траурная музыка.

– Это что? Снова идут? – пробормотал стоявший ещё на месте мужчина в очках.

– Опять идут! – радостно закричал Петька.

По всей вероятности, он был не против того, чтобы ещё раз поглазеть на необычайное шествие. Такое ж не каждый день бывает!

– Да, тихо ты! Чего орёшь? Сталина же хоронят, – зашипели на него ещё не разошедшиеся по домам взрослые, возвращаясь на тротуар.

Второй проход траурной процессии обнаружил некоторые изменения в рядах идущих. Директор уже не плакал, но держался, по-прежнему, сурово и отрешенно. Комсомольцы, устав нести склоненные знамёна, подняли их повыше, для удобства, почти как на параде. Пионеры, не стесняясь, переговаривались между собой, а кое-кто даже улыбался, забыв о траурной торжественности момента.

Когда колонна начала проходила мимо нас уже в третий раз (директор школы, наверное, ещё помнил Святую Троицу), похоронная процессия выглядела плачевно. Усталые музыканты духового оркестра в некоторых местах траурного марша издавали какие-то сиплые звуки. Директор, упрямо наклонившись вперёд, нёс знамя так, что оно почти волочилось по асфальту. Комсомольцы же, не выдержав столь трудного для их молодых, но ещё неокрепших рук задания, положили древки знамён на плечи, а пионеры, с кислыми лицами, опустили плакаты и шагали молчаливой усталой толпой.

Конечно, тогда я был несмышленьким, о политике знал только со слов пьяного деда, но фальшь этого траурного шествия я почувствовал хорошо.

* * *

Наступило лето. Стало непривычно жарко, но нас, детей, это совершенно не смущало. Вокруг мы находили немало интересных развлечений. Например, за нашим домом, во дворе, стояло старое здание конфетной фабрики. Оно притягивало, словно магнит, своим чудесным ароматом изготавливаемых там сладостей. Закрытые мелкой металлической сеткой окна располагались очень низко над землей, и в летнее время, особенно в жару, их открывали внутрь для проветривания цехов.

Цех для варки необыкновенно пахнущей конфетной массы был очень горячим и несмотря на открытые окна, жара заставляла работниц, одетых в белые халаты, подходить к ним. Ну, а тут-то мы, как стая воробьёв, и облепляли окошки с уже заранее проделанными нами в сетках отверстиями и просили жалобными голосами: «Тётенька, дай конфетки!»

Обычно женщины, смеясь над нашей суетливостью и криками «А мне? А мне?», с охотой угощали нас, но делали это, когда в цехе не было мастера. Когда же он появлялся, многие, улыбаясь, старались отмалчиваться, или кто-нибудь из них украдкой подходил к окну со словами: «Берите и убегайте, а то мне влетит из-за вас от того дяденьки», – и кивал в сторону стоявшего к нам спиной мужчины без халата.

Мы уже давно знали, что этот жадный дядька был мастером цеха, и старались не попадаться ему на глаза. Он всегда покрикивал на сердобольных работниц, а подойдя освежиться к окну, орал и на нас: «Ну-ка, кыш отсюда! Сейчас выйду на улицу – я вам покажу!» По этой причине, мы не осмеливались просить и у мужчин-кондитеров. Если они подходили к окну, то, пригнувшись, бежали к следующему.

Постепенно мы научились узнавать в лицо наших благодетельниц и старались разыскать их среди остальных женщин-кондитеров. Мне хорошо запомнилась одна из «добрых» работниц – красивая и всегда смеющаяся над нами, просящими у неё чаще, чем у остальных. «Что, желторотики! Опять прилетели?» – со снисходительной улыбкой спрашивала она. И никого не боясь, и не оглядываясь, раздавала нам конфеты. К нашему удивлению, мастер не делал ей замечания и на неё не кричал.

У фабрики мы обычно собирались с утра. А после обеда, наскоро перекусив тем, что нам оставляли родители, снова выбегали на улицу. На этот раз нас уже интересовали ярко-зелёные с красными или синими подкрыльшками и большими блестящими глазами местные кузнечики. Они прятались от жары в уличных газонах Пятигорска и легко становились нашей добычей.

Поймать необыкновенно красивого кузнечика – было заветной мечтой каждого из нас. На удивление, насекомые мало походили друг на друга. Это только несведущему человеку они могут показаться одинаковыми. На самом деле, нам попадались такие экземпляры, что мы сразу бежали на восторженный крик обладателя необычной ценной добычи.

Окружив счастливчика, мы подолгу любовались пойманным красавцем. Прежде всего, интересовались окраской подкрыльев (особенно ценилась синяя). Затем старались погладить кузнечика по его твёрдой хитиновой грудке; тянули за длинные красные или коричневые ножки, которые, к нашему сожалению, легко отрывались; и даже давали насекомому покусать мохнатым ртом, из которого выделялась тёмно-коричневая капля какой-то густой жидкости, свой палец.

Разморённые жарой и погоней за этими существами, мы ложились на траву и начинали показывать друг другу трофеи. Тут же происходил и обмен. Безногих или замученных в спичечных коробочках кузнечиков отпускали на волю, а особо интересных – выменивали друг у друга. Но всегда среди нас кто-то становился героем дня. Ему мы, по-детски, завидовали и, расходясь, мечтали сами поймать когда-нибудь необыкновенного кузнечика.

Были у нас и другие развлечения. Однажды к нам двор въехала машина с песком, который был выгружен прямо под пожарной лестницей. Песок, видимо, нужен был для предстоящего ремонта дома. Нам же, мальчишкам, он пригодился для интересного, но опасного развлечения.

Теперь можно было взобраться на песочную кучу, дотянуться до пожарной лестницы, ранее нам недоступной, и подняться по ней хоть до самой крыши. Но таких смельчаков среди нас не находилось. Побаиваясь высоты, мы забирались на столько, сколько позволяла личная храбрость. Потом по очереди прыгали в мягкий и прохладный песок. Конечно, чем выше был прыжок, тем престижнее для смельчака было приземление, особенно в глазах прыгавших с нами девчонок.

Последние, конечно, были трусихами. Но именно на фоне их страха перед высотой и из-за соперничества между нами, мальчишками, мы с каждым днём старались забраться всё выше и выше. Не знаю, чем бы закончилось наше соревнование, но в один прекрасный день пожарная лестница оказалась заколоченной длинными досками, что лишило нас столь захватывающего развлечения.

* * *

А по выходным дням мать иногда брала меня на базар. В Пятигорске фрукты были дешёвыми: «выбирай – не хочу!» Мы чинно ходили с ней мимо длинных рядов, заваленных абрикосами, вишней, черешней, грушами, клубникой, ананасами... Уф! Всего не перечесть! И везде натыкались на поразительно настойчивые предложения продавцов обязательно купить фрукты именно у них. При этом каждый хвалил свой товар и подсовывал мне попробовать фрукты, в расчёте на то, что я попрошу мать купить их именно у него.

Среди продавцов было много кавказцев. На ломаном русском языке они обычно обращались к матери со словами:

– Красавица! Купы черешня. Сматри, какой кароший, крупный. Пробуй сама, – и обычно протягивали небольшую горсть.

Мать начинала пробовать, и тогда продавец, боясь упустить покупателя, обращался ко мне:

– Малшик, кушай. Выбирай лубой. Абрикос хочешь? Смотри, какой ба-алшой, – показывал он на ящик с крупными абрикосами, но попробовать весь абрикос уже не предлагал, а только засижаную мухами половинку.

Однако моя мать была очень разборчивой покупательницей и, пока не обойдет почти весь базар, брать не спешила. За это время я успевал «напробоваться» так, что до самого дома ничего не просил, кроме мороженого.

А дома, уже с отчимом, мы все садились за наш самодельный стол и ставили на него купленный на базаре и отмытый матерью арбуз. Предварительно, глава семьи старался угадать его спелость. Для него это было, можно сказать, своеобразное хобби.

– Ну-ка, Лидка, давай нож. Посмотрим, какой арбуз вы купили сегодня – спелый или нет?

Но прежде чем резать, он внимательно смотрел пожелтевший ли хвостик плода; сдавливал его руками, прислушиваясь к внутреннему хрусту; стучал по зелёной корке костяшками сжатой ладони, чтобы определить звонкость; и, наконец, испытывал на лёгкость, покачав его на одной руке. Прodelав все эти процедуры на наших глазах, отчим выносил окончательный вердикт: «Спелый!»! – и часто оказывался прав.

Когда зелёно-полосатый арбуз потом разрезался, и под ножом слышался характерный хруст переспевшего плода, а затем показывалась красная и сочная мякоть, Иван многозначительно поднимал чёрные брови и расплывался в широкой улыбке, оголяя ровные белые зубы. «Ну, а я что говорил?» – обращался он к нам, довольный тем, что не ошибся.

* * *

К середине лета мать всё-таки нашла хорошую работу – её взяли поваром в детский садик. Как сына сотрудницы, туда же был зачислен и я. Теперь мне приходилось вставать очень рано, чтобы вместе с матерью успеть к началу её работы. Варка пищи начиналась на кухне с семи утра, один час требовался на дорогу. Вот и приходилось нам подниматься в шесть утра, чтобы успеть ей на работу. В садике воспитательница сразу укладывала меня в чистую кровать старшей группы, где можно было поспать до утреннего подъёма, то есть до восьми утра.

Теперь у нас дома появилось сливочное масло, мясо и даже сгущёнка. Конечно, не от большой зарплаты, которая составляла тогда, по-моему, около пятидесяти рублей, а потому, что матери приходилось воровать продукты вместе с остальными работниками кухни. Шеф – главный повар детского сада – в конце рабочего дня, как старший по званию, чётко делил украденные у детей продукты между подчинёнными. В первый и второй день работы мать не стала брать свою долю. На третий день он отвел её в сторону:

– Я вижу, Лидия Петровна, вам не нравится у нас работать? – холодно спросил шеф.

– Да нет. Что вы, Илларион Дмитриевич!? – с удивлением ответила она. – Может быть, я что-то не так делаю? – и смутно догадываясь, покраснела, вспомнив, как два раза отказалась брать ворованные продукты.

– А ты сама подумайте, – многозначительно посмотрел на мать главный и отошёл к горячей плите с кастрюлями.

В этот же день она поделилась случившимся с подружившейся с ней поварихой Ниной.

– А что ты хочешь, Лида? – стала тихо объяснять она.

– Кто здесь за эти гроши работать будет да ещё и не тащить домой? Это раз. Во-вторых, Илларион Дмитриевич часть продуктов должен отдавать заведующей. Попробуй он ей не дай! Быстро вылетит отсюда или на выходе поймут с продуктами. А за это, сама знаешь, что бывает. Но, раз уж он ей даёт, то может и сам брать! Ты поняла?

– Поняла, Ниночка.

– Ничего ты не поняла, Лидочка! Как же шеф будет воровать на наших глазах? Выходит: он берет, а нам – фигу с маслом? Кто-нибудь обязательно настучит на него. Вот и получается: если ты, Лида, хочешь здесь работать, то должна «брать» продукты вместе со всеми. Иначе, так сделают, что уйдешь сама подобру-поздорову. Поняла?

– Теперь поняла, – задумчиво и тяжело вздохнув, ответила мать, но и на этот раз отказалась брать краденые продукты.

В тот же вечер она всё рассказала отчиму. Он ничуть не удивился и даже обозвал мать дурой за то, что та упорно отказывается «тащить» продукты домой.

– Дают – бери, а бьют – беги, – закончил он свое нравоучение.

– Так, Ваня, посадить же могут, – оправдывалась она перед мужем. – А Владик на кого останется?

– Не бзди, Лидка! Сейчас все воруют, и ты это хорошо знаешь. На шабашках, откуда у меня материал: кровельное железо, стальные уголки, гвозди, доски?

– Ага, молчишь! Знаешь, что я тяну их со стройки. Да у нас там все тянут домой, что плохо лежит. А ты говоришь, Владик. Как вырастет, и он будет воровать.

– Я воровать не буду, – слышался мой тихий, но твёрдый ответ.

– Что? Сопляк! Много ты знаешь. Ещё как будешь...

– Нет, не буду, – со злой ненавистью и страхом перед взрослым мужчиной ответил я.

– Ваня! Ну что ты к нему пристал. Он же ещё маленький, – заступилась мать и продолжила: – Ладно, уговорил. Может, всё и обойдётся.

– То-то же, – нравоучительно и почти ласково ответил отчим. – Не дрефь, Лидка! Тащи всё, что дают...

* * *

Перед осенью среди жителей нашего дома разнеслась весть о том, что все семьи рабочих скоро будут переселены на новое место. Куда – никто не знал, но было видно, что двор постепенно уменьшался в размерах от завозимого строительного материала. Мы, мальчишки двора, в последнее время всё чаще возвращались в разговорах к этой новости, хотя и раньше знали, что живём в центре Пятигорска временно. С сожалением говорили о предстоящем расставании, с радостью обсуждали прошедшие события, связанные с нашим здешним пребыванием, помня о том, что такое уже никогда не повторится.

В последние дни мы стали чаще собираться возле разрушенных войной огромных колон въездных ворот нашего двора. Парадный вход дома располагался от них далеко, и колонны были любимым местом вечерних сборищ, на которых мы могли, вдали от родительских глаз и ушей, говорить о чём угодно.

Здесь каждый мог свободно рассказывать о чём-либо, если его начинали слушать пацаны и две-три девчонки-малолетки с нашего двора. Обычно рассказывались неприличные анекдоты или наподобие известного и любимого маленькими детьми ещё с прошлого века стихотворения «Одиножды один – приехал господин...». Как правило, говорили ребята постарше. Мы, мелюзга, слушали их с открытыми ртами, иногда задавая, по мнению старших, дурацкие вопросы.

– Вовик! – набравшись смелости, как-то спросил один из «сопливых» рассказчика очередного похабного происшествия, в котором тот якобы сам был главным героем. – А ты, хоть, сиську у девчонки видел?

– Дурак. Я и не то ещё видел. Не веришь? Зуб даю. Вот смотри! – и, зацепив ногтем передний зуб, ловко щёлкнул и обвёл рукой вокруг своей шеи.

– Ха! Чего ты врёшь? – не сдавался малолетка. – Я это историю уже слышал от кого-то из ребят.

– Так я, наверно, и рассказывал, сопляк! – попробовал вывернуться Вовка.

– Эй! Хорош, шкетня, – неожиданно подал голос самый старший из нас пацан Колька.

Пятнадцати лет от роду, не очень высокого роста, он был грозой мальчишек других дворов, но своих не обижал и всегда приходил на помощь, если видел несправедливость. Мы его слушались, как родного отца, и его слово для нас было законом.

– Вот лучше угадывайте загадку: «Что делает мальчик на девочки?»

Первое, что приходило в наши детские головки, одурманенные предыдущими анекдотами и рассказами сексуального содержания, это самое таинственное и непонятное, о чём было даже неловко высказаться напрямую перед сверстниками. А вдруг, это не так? Подвох чувствовался, но никто не решался первым назвать просящееся наружу слово.

Наконец, кто-то неуверенно пролепетал то, что у всех было на уме. Мы напрягались, желая поскорее узнать разгадку от самого Коляна.

Тот немного выдержал поучительную паузу, и, даже не глядя на «отличившегося», спокойно сказал:

– Вот и дурак. Слушайте ещё раз: «Что делает мальчик, надев очки?» – И сам же ответил:

– Читает.

Первый раз до нас не сразу дошла суть этого словесного каламбура, но, когда мы, наконец, разобрались, то долго смеялись над товарищем, поспешившим дать неправильный ответ.

– Пе-те-нька! – донёсся до нас голос тёти Вали из парадного подъезда. – Сыно-очек, пора идти домой!

– Ты, Петюньчик, иди, – приказал Колян, – а мы ещё покурим. – А то твоя мамаша сюда прибежит и всю «малину» испортит.

Нехотя, обиженный на то, что так легко от него отделяемся и на свою беспокойную мамашу, тот поплёлся к ней с опущенной головой.

– Сынуля, ты что такой? Тебя обидели? – послышался в темноте беспокойный голос тёти Вали.

– Нет, – донёсся до нас плаксивый ответ.

– Уже темно, – стала оправдываться мать Петьки, – пора спать. Пойдём, пойдём, сынок... – ещё раз позвала она, и мы услышали, как за ними захлопнулась массивная дверь парадного подъезда.

* * *

Переезд на новое место жительства произошёл перед сентябрём. Всех проживающих в доме расселили, кого куда, на окраины Пятигорска. Разъезжались по отдельности, по мере

того, как заканчивалось строительство нового барака. На каждую семью строителям давали отдельную, но, зато, свою комнату.

Бараки, в которые вселили мою семью и семьи других рабочих находился далеко от центра города, а сам район назывался Новопятигорском. Здесь стояли, в основном, одноэтажные частные дома с прилегающими к ним несколькими сотками земли. Дома были давно обжитыми, как правило, с высокими заборами и крепкими воротами. Сквозь заборы ничего не было видно, насколько они были плотно сбиты из крепких досок. И только лишь взобравшись на соседнее дерево, чтобы полакомиться тутовником, можно было рассмотреть, что находилось за этими непреступными ограждениями.

За ними обычно был разбит огород с садом из фруктовых деревьев, с которых свисали крупные спелые яблоки и жёлтые груши. У некоторых хозяев даже рос крупный чёрный виноград, обвивающий специально вкопанные металлические стойки. Конечно, можно было ухватиться за верхний край досок забора, подтянуться и перелезть через него, но мы боялись это делать.

После такой попытки, как правило, раздавался грозный лай сторожевых собак, выбегала хозяйка или хозяин. А с ними, как известно, больно не поговоришь. Злые были – хуже собак: сразу – за палку, и, если вовремя не спрыгнешь назад, то получишь по голове или по рукам. Одним словом, куркули! Оно и понятно: в Пятигорске мало предприятий, и многие его старожилы кормились за счёт продажи всего, что выросло на их участках.

Наши бараки были другими. Во-первых, их сложили из больших обтесанных серовато-белых камней. Длинные и одноэтажные, они стояли на пустыре, окружённом частными домами. Во-вторых, барачников было всего два, по тринадцать комнат в каждом, и стояли они вдоль дороги, ведущей на местное кладбище. При выходе из барака ты сразу попадаешь в чистое поле, заросшее бурьяном да невиданно высокой крапивой. Одно радовало глаз: за окраиной города, казалось совсем близко, располагался величавый и остроконечный Бештау.

Но, как бы то ни было, семьи рабочих с радостью занимали свободные (теперь уже свои!) комнаты и справляли шумные новоселья, как только заселялась очередная семья. Нам досталась угловая комната, выходящая окнами на соседнюю улицу и во двор. Мать была не очень довольна расположением нового жилья. В Сибири угловые комнаты не очень привечают, поскольку зимой морозный ветер охлаждает их быстрее, да и шанс забраться вору через лишнее окно значительно увеличивается. Тогда, после войны, было лихое время. У многих уголовников на руках сохранялось огнестрельное оружие, а жизнь впроголодь могла толкнуть кое-кого на «скользкую дорожку».

Тем не менее, мне наша комната понравилась. Я любил светлые помещения, чем-то напоминающие старый дом Анастасии в Окунево.

* * *

Радость новоселья смешалась для меня и с радостью принятия в первый класс местной школы-семилетки. Я не запечатлел всю парадность построения учащихся перед началом занятий, но хорошо запомнил, как и в Окунево, запах свежей краски, исходящий от недавно выкрашенных чёрных парт.

В начале первого урока я с благоговением последовал просьбе нашей молодой учительницы, Ирины Владимировны, положить ладони перед собой. В этот момент блестящая чёрная поверхность парты радостно пропищала от прикосновения, словно прося погладить её. Некоторые так и делали (кто из баловства, а кто из любопытства), но, в основном, мы старались внимательно слушать учительницу, выпрямив свои спинки и заглядывая ей в рот.

В тот день Ирина Владимировна рассказывала что-то нужное и приятное, и со стороны могло показаться, что мы продолжаем внимательно слушать её, но это было не совсем так.

Некоторые тайком, из-под лобья, разглядывали друг друга. Я же вспомнил, что в моём новеньком портфеле лежат такие же новые тетради, цветные карандаши и, главное, Букварь. Конечно, я его видел и листал раньше, ещё в окуневской школе, но там всё было понарошку. Зато теперь...

– Белов Владислав, – донёлся до меня голос учительницы.

Я повернул голову к столу. Она искала меня глазами, но я молчал, а весь класс, не зная ещё, кто такой Белов, крутил головами по сторонам.

– Кто у нас Белов? – снова спросила Ирина Владимировна.

– Это я... – неуверенно и тихо последовал мой ответ.

– Владик, – обратилась ко мне Ирина Владимировна. – Когда твою фамилию называет учитель, надо вставать и говорить: «Я».

Покраснев, я быстро открыл крышку парты, вскочил и выпалил:

– Я!

Ирина Владимировна внимательно посмотрела, стараясь запомнить мое лицо, и, уткнувшись в журнал, спокойно сказала:

– Садись, Владик.

– Барсуков Гена, – продолжила она проверять присутствующих по школьному журналу.

* * *

На втором уроке учительница учила нас писать карандашом палочки в косо разлинованной тетради. Высунув язык, я старательно выводил их карандашом, но пальцы почему-то плохо слушались, и палочки выходили неровными хуже, чем в окуневской школе.

В конце урока Ирина Владимировна подошла к каждому и написала красными чернилами домашнее задание.

– Дети, – обратилась она. – Я написала вам прямые палочки с наклоном вправо и влево. Каждую отмеченную мною строчку надо повторить дома три раза. – А теперь можете идти на перемену.

Раздался звонок, и мы, стараясь быть степенными, без крика и шума, стали покидать класс. Оказавшись в большом длинном зале для перемен, сбились в кучку возле своих классных дверей, стараясь держаться вместе. Дело в том, что обучение мальчиков и девочек в школах в то время было раздельным. По этой причине на переменах царил некая запорожская вольница. Ученики старших классов носились по залу, не обращая никакого внимания на тех, кто стоит у них на пути. Некоторые налетали друг на друга, а то – и на преподавателя. Выслушав от него порцию нравоучений и извинившись, бежали дальше.

Нашу стайку первоклашек такие «болиды» могли разнести по углам – дай им только волю! Но на первых порах за нами присматривали дежурные преподаватели. И то кое-кому из первоклассников доставалось, если зазевавшийся новичок не успевал прижаться к стене.

– Эй, вы, первоклашки! – неожиданно орал, несущийся в нашу сторону какой-нибудь подросток. – Разойдись!

И со всего размаха врезался руками в стенку, чтобы не придавить кого-нибудь из нас.

* * *

Урок изучения первых букв Букваря для меня показался не очень интересным. Их я уже проходил в Окунево, и всё время рвался вперёд, посмотреть страницы и картинки, которые ожидали нас дальше. С грустью отметил, что до них ещё далековато. Я так засмотрелся, что не услышал слова Ирины Владимировны.

– А дальше продолжит чтение Белов – сказала она.

Я стал лихорадочно листать назад страницы Букваря, чтобы найти нужное место, но это оказалось непросто!

– Ма-ма,.. ма-ма! – прошептал мне, сидевший рядом сосед по парте.

– Мама мыла раму, – скороговоркой ответил я, хорошо помня по окуневским урокам эту вьевшуюся каждому бывшему первоклашке фразу.

– Ты где это вычитал, Белов?

– В Окунево, – честно признался я.

– А, так ты уже умеешь читать, Владик? – догадалась Ирина Владимировна. – Это хорошо, но, если не будешь следить за нашим чтением, я поставлю тебе в следующий раз двойку. Садись и открой Букварь на первой странице.

Я с огорчением плюхнулся на сидение парты и нечаянно громко хлопнул её откидной крышкой.

– Ну-ка, пожалуйста, встань, Белов, ещё раз.

Ничего не понимая, я поднялся.

– Ребята, – обратилась уже ко всему классу учительница, – вставать и садиться, находясь за партой нужно тихо и не хлопать крышкой. Сейчас Белов покажет нам, как это надо делать. Стараясь изо всех сил, я сел на скамью, не издав ни звука.

– Вот и молодец! Все поняли, как надо вести себя на уроке?

– Да-а, – вразнобой проблеяла малышня.

– А теперь можете идти домой. До свиданья!

– До свиданья! – более дружным хором ответил класс.

Раздался звонок, и мы, не спеша и чинно, стали покидать класс. На этот раз мы все знали, что это звонит тётя Клава, с которой успели познакомиться на предыдущей перемене.

Тогда, преодолев страх, быть сбитыми с ног старшеклассниками, мы, по несколько человек, сумели перебежать к тумбочке, покрытой красным материалом. На ней стоял медный колокольчик с деревянной ручкой. Тетя Клава – звонарь и по совместительству уборщица и сторож школы – в это время отгоняла от нас шваброй шустрых пацанов. Когда мы собрались возле тумбочки, то разглядели на ручке колокольчика привязанный к нему красный бант по случаю начала учебного года. На его бронзовой и потемневшей от времени поверхности красовался большой двуглавый орёл, а по всей нижней окружности проглядывала какая-то надпись.

Каждому из нас обязательно хотелось потрогать колокольчик пальцем, и тётя Клава с удовольствием разрешила это сделать. Какой-то подбежавший балбес ухитрился за её спиной щёлкнуть по нему пальцем. Колокольчик ответил глухим жалобным звоном и сразу же замолк.

– Ах, ты, негодник! – пригрозила хулигану шваброй тётя Клава и поправила бант на деревянной ручке.

– Нравится? – спросила она.

– Да! – ответили мы хором.

Тут она посмотрела на висящие над тумбочкой часы, охнула и схватилась за ручку колокольчика.

– Вот дура-то! На две минуты урок задержала.

С растрёпанными волосами, в грязном синем халате, она начала громко звонить и кричать:

– Де-ети! На урок! На урок!

Но наши уроки уже закончились, и мы пошли домой под переливистый звон уже знакомого колокольчика. Остановившись, хором прокричали:

– Тетя Клава! До свиданья!

– До свидания, мои родненькие! – ответила она и утёрла платком своё усталое и потное лицо.

* * *

Дома встретила мать. С утра она сходила со мной в школу, побывала с остальными родителями на общей школьной линейке, заглянула в класс, где нас для знакомства собрала всех вместе Ирина Владимировна. После собрания мать поцеловала мою щеку и негромко сказала, ещё сидя рядом за партой:

– Владик! Слушайся учительницу, а я сейчас пойду домой и напеку тебе любимых блинчиков.

– Со сметаной?

– И с вареньем, – добавила она, – если ты будешь хорошо учиться.

– Вот здорово! – воскликнул я.

– Тише, – приложила она палец к губам и вышла из-за парты. – Ирина Владимировна, до свиданья! – попыталась попрощаться мать с учительницей, восседавшей, как на троне, за своим столом. Усыпанная букетами цветов и подарками, та не расслышала её слов и продолжала разговаривать с подошедшими к ней родителями. Мать безнадежно махнула рукой, ещё раз погладила меня по наголо подстриженной голове и направилась к двери со словами:

– Будь умницей.

Дома, как и обещала, она встретила блинами и даже сварила любимое мною какао. Матери нравилось готовить для меня, и у неё всегда всё получалось очень вкусно и быстро. Я хорошо помню, как, накрыв стол, она обычно садилась напротив, наблюдая, как я ем, и в её голубых глазах светилась радость материнского счастья.

Так было и в этот раз. Я ел и увлечённо рассказывал о новых впечатлениях: об учительнице, о школе и, конечно, о тёте Клаве, которая разрешила нам потрогать звонок.

– Знаешь, мам, он такой красивый и с красным бантом, – говорил я, успевая уплетать за обе щеки очередной блин, – а на нём нарисован орёл с двумя головами. Разве такие бывают?

Я вопросительно посмотрел в её глаза, глядящими на меня с любовью.

– Бывают, сынок. Тебе ещё налить какао?

– Нет, ты скажи честно, мама. Бывают? – заметив её безразличие к двуглавному орлу, стал допытываться я.

Надо сказать, что по грамотности мать далеко не ушла от отчима. Несмотря на то, что она выросла в детском доме, ей, как и ему, дали начальное четырехклассное образование. Но, если отчим во многих бытовых вопросах доходил своим пытливым умом, а иногда и просто смекалкой, мать такими способностями не обладала.

Призадумавшись, она ответила, что таких орлов не видела, но вот в сказках бывают Змеи Горынычи и с тремя головами.

– Вот выучишься, научишься читать сказки. . .

– Да, такие сказки, мама, я давно знаю! Нас ещё в Окунево ими Настя пугала перед сном. А вот, на самом деле, бывают?

– Не знаю, сынок. Для того ты и в школу пошёл. Я ведь всего четыре класса окончила, а тебе, чтобы всё узнать, надо обязательно выучиться до конца. Не зря говорят: «Ученье – свет, а неученье – тьма». Запомни, Владик. Главное для тебя – это хорошо учиться. А то будешь, как мы с отцом, работать с утра до ночи.

– Я лёгчиком хочу стать, – вырвалось у меня. Мать немного смутилась и посмотрела пытливым взглядом.

– И лёгчиком, и врачом, и даже учителем сможешь стать, если закончишь хорошо школу. Ты мне обещаешь?

– Да, – ответил я, – мне нравится учиться.

– Ну и молодец. А теперь иди и погуляй на улице, пока я здесь приберусь. Завтра мне рано вставать на работу.

* * *

На улице было здорово! Но в ещё не полностью заселённом бараке не появились мальчишки, с которыми я мог бы познакомиться и играть. Правда, приехали две девчонки, но они были старше меня. Их я и увидел, когда появился на входных ступеньках нашего барака. Они сидели на длинном бревне, оставленном строителями недалеко от входа. За бревном начиналась буйная поросль бурьяна с крапивой, среди которой голубыми глазками выглядывали неизвестные мне цветы с крупными зелёными листьями.

Заметив меня, девчонки о чём-то зашептались и тихо захихикали. Конечно, разговаривать с ними после такой наглости не имело смысла, и я так и остался стоять на последней ступеньке. На всякий случай даже отвернулся от них и стал смотреть далеко вперёд. При этом я принялся насвистывать знакомую мелодию.

– Эй ты, свистун! Тебя как зовут? – неожиданно обратилась одна из тех, что была постарше. – Ты, случайно, не из первой квартиры?

Отвечать мне не хотелось, но, взвесив всё за и против (говорить всё равно было не с кем), назвал свое имя.

– Владик? – переспросила девчонка помладше. – Валя! – обратилась она к старшей подруге, показывая на меня пальцем. – Это же Владик-оладик! – и громко рассмеялась.

Зная по опыту, что прозвище может «приклеиться» сходу, если я начну злиться или, ещё хуже, возражать, я подошел к ним и сел рядом на обтёсанное бревно. Мне хотелось показать, что их насмешки меня ничуть не задели и что я не такой уж маленький, чтобы обижаться на прозвище. Войдя в роль и подражая Коляну, я спросил:

– А загадку хотите отгадать?

– Какую? – заинтересовались мои обидчицы.

– Вот отгадайте: что делает мальчик на девочки? Подружки переглянулись и дружно рассмеялись:

– Конечно, читает, Оладик! Я разинул рот от изумления, а они стали издеваться надо мной:

– Это тебе сегодня в школе такую загадку загадывали? – насмешливо спросила Валька. – А в какой класс ты пошёл?

– В первый, – последовал мой обескураженный ответ.

– Валя! Ты смотри, чему их там учат? – продолжала измываться младшая подруга.

– Да ну вас! – подскочил я с бревна. – Мне пора уроки учить.

– Иди, иди. Да не забудь правильный ответ написать, тогда сразу в восьмой класс переведут.

Проклиная всё на свете, я заскочил в комнату, где мать уже гладила постиранное с утра бельё. Она не заметила моего негодование, так как стояла ко мне спиной.

– Погулял?

– Да, – стараясь скрыть обозлённость, буркнул я.

– Там, наверное, и погулять не с кем. Ничего. Потерпи немножко. В следующее воскресенье, говорят, сразу четыре семьи заселяются.

Тем временем я уже уселся за стол и достал принадлежности из портфеля.

– А ты руки помыл, Владик?

На работе, рассказывала мать, к ним часто приходят из лаборатории проверять санитарное состояние кухни. Даже мазки берут на какие-то «палочки», объясняла она отчиму. Поэтому мать уважала и любила чистоту, а заодно, причала к ней и меня.

Я наскоро помыл руки и снова сел за стол. Вид новых цветных карандашей, букваря и чистой тетради отвлек меня от позорного разговора с девочками, и я погрузился в иной мир. Это был мир совершенно новый, интересный и влекущим к тайнам познания.

Выполнение домашнего задания я начал с рисования палочек в косо разлинейной тетради. Они получались немного кривыми и толстыми (плохо был подточен карандаш), но я сумел справиться с ними. Конечно, до образца домашнего задания, написанного самой Ириной Владимировной, нарисованным мною палочкам было далеко. К тому же, она писала пером! И немного подумав, я успокоил свое самолюбие.

В Букваре мне захотелось посмотреть новые главы. Я даже попытался прочитать какую-то сказку, но быстро устал: не по Сеньке оказалась шапка. В общем, довольный, что я уже могу читать даже сказки, я закончил делать уроки.

Вечером пришёл отчим. Немного навеселе, он заметил приготовленный мною портфель.

– Ну как? Много двоек нахватал? – с иронией спросил он.

– Ни одной.

– Подожди-и, когда-нибудь всё равно получишь. Вот тогда мать тебе и всыплет по первое число, да так, что два дня чесаться будет...

– Ваня, ешь, давай, а то борщ остынет, – прервала его мать. Тот, поблескивая подвыпившими глазами, посмотрел на неё и спросил:

– Никто ещё не приехал? Может, успеем комнату поменять?

– Теперь, Ваня, не сможем: свободные уже заняли, а в воскресенье приедут остальные.

Помнишь, в прошлый выходной здесь были хозяева со своими ключами от пустых комнат? Я слышала, что через неделю они начнут переезжать.

– Ладно, Лидка. Где наша не пропадала? Поживем пока здесь, а там видно будет.

* * *

В воскресенье приехали новые семьи. Среди них моего возраста оказался только один мальчишка. Другой был намного старше, долговязый и в очках. Однако познакомиться с ними в суе не удалось. Семьи до позднего вечера обустраивались по комнатам. Жители барка помогали им сгружать и разносить вещи, намекая, что такое важное дело, как переезд, надо бы обязательно обмыть. Прибывшие соглашались и понимающе кивали головами.

– За нами не станет, – поднимая тяжелый шифоньер вместе с помощниками, кряхтя, басил один из приезжих. – Вот сейчас закончим, и – полный вперед.

– Осторожней! – кричала другая хозяйка, – здесь у меня зеркало завёрнуто, и, смотрите, посуду не побейте.

– Ничего, на счастье можно немного и поколотить, – шутил мой отчим. Так, дружно и весело, все новоприбывшие успели к вечеру занести свой скарб.

Электрический свет ещё не был проведён, и в комнатах новых соседей засветились керосиновые лампы. Чтобы лучше видеть в коридоре, новосёлы открыли двери, приглашая «помощников» к столу. В одной из комнат приезжих заиграл патефон. Я, Валька и её подруга, Светка, забыв о нашем неудачном знакомстве, кинулись в полумраке заасфальтированного коридора туда, где раздались уже знакомые нам слова песни: «А-я-я-яй, ну что за девочка...»

Патефон и пластинки тогда был редкостью. Их имела не каждая семья. Но отчим привез из Сибири трофейный патефон, встроенный в небольшой футляр, который был обтянут синим дерматином. Я гордился его маленькими размерами и любил заводить во время прихода к нам гостей. Теперь мне хотелось увидеть, какой патефон имеется у приезжих соседей, а заодно, показаться матери на глаза, в надежде, что и меня пригласят за стол.

Валька и Светка оказались в дверях новых переселенцев раньше, и мне пришлось лишь выглядывать между ними. Они же, скрестив руки на еле пробивающихся грудях, стали под-

певать играющей пластинке. От них несло приятным запахом, наверное, материнских духов и водочным перегаром.

Но вот мать заметила меня и подозвала к себе.

– А это мой сын, Владик, – сказала она новой соседке.

– Какой хороший! И видать, серьёзный мальчик? – иронично заметила подвыпившая хозяйка в ответ на моё стеснение. Она усадила меня за стол, погладила по голове и поставила передо мной тарелку с кусками жирной жареной рыбы.

– Ешь, мой маленький, – ласково предложила женщина. – А вот у нас, Лида, детей пока нет, – со вздохом развела она руками.

– Теперь надо обзаводиться: комната есть, работа есть, – поддержала разговор мать на эту тему.

– Не волнуйся, Лида, мы с Васей теперь об этом день и ночь будем думать, – кокетливо рассмеялась собеседница.

Во время их разговора я успел рассмотреть патефон, который стоял рядом на комод. Несомненно, он был красивее, но великоват. Мой можно было легко выносить на улицу, как маленький чемоданчик. Этот же, подумал я, нести на улицу тяжело, разве что, – мужчине.

Изрядно поддав, взрослые стали танцевать, но вскоре истомились и снова уселись пить водку. Угостили и девчонок. Совсем осмелев, те стали танцевать парой посередине комнаты. Хозяева и гости всё больше хмелили. Некоторые уже развалились на диване и громко разговаривали между собой. Я же подобрался к патефону, и как только начинала приостанавливаться музыка, подкручивал его хромированной рукояткой.

– Мужики! – закричала одна из женщин. – Как вам не стыдно! А ну, пошли танцевать, – но желающих не нашлось.

– Пусть молодёжь потанцует, а мы посмотрим, – ответил ей толстяк, развалившийся возле пьяной жены.

– А нам кавалеров не хватает, – смеясь и блестя глазами, откликнулась Валька.

– Как не хватает? – нарочито громко завёлся толстяк. – А за патефоном – разве не кавалер?!

– А ну-ка, Владик, выходи, – подхватила меня под руку хозяйка.

Я стал упираться, но был дружно вытеснен на середину комнаты.

– Ну, и кого ты выберешь? Меня или Светку? – язвительно обратилась ко мне Валька.

– Я танцевать не буду: надоело, – сказала Светка и направилась к столу.

– Ладно, – смягчилась Валька. – Давай я тебя учить буду. Одну руку кладу тебе на плечо, а ты мне – на талию. – Заметив, что я сильно засмутился, она ухватила мою руку и приставила её куда следует, – Другую – давай мне, – потребовала она.

После наставления Валька легко обхватила мою ладонь и попыталась закружить в танце. Но сделать это ей не удалось, и какое-то время нам пришлось топтаться на месте. Тем не менее, Валька не растерялась. Поняв, что в танцах я полный «валенок», она сбавила темп, и мы, медленно переступая, стали изображать танцующих.

Впервые я так близко находился возле девчонки и держал её за спину. В «танце» старался сильно не прижиматься, чувствуя страшную неловкость, но пьяные взрослые, умилённые нашей парой, поддерживали нас комплиментами и подбадривали. Это придало мне уверенность и даже гордость.

– Ты на ногу не наступай, Оладик, – тихо прошептала Валька на ухо. Она тоже была польщена восторгом взрослых и старательно помогала мне окончательно не отдалить ей ногу. Когда мы «станцевали» несколько песен, заскучившая от внимания к нам взрослых, Светка позвала Вальку прогуляться возле дома.

На другой день лил дождь. Он начался ещё ночью и продолжался в течение всех наших занятий в школе. Последний урок пришёлся на чтение. Ирина Владимировна выразительно и чётко, по слогам называла написанное в Букваре какое-нибудь новое слово, а мы дружно повторяли за ней.

Я автоматически повторял со всеми давно известные мне слоги и слова, но неожиданно стал их плохо различать. Вместо слов одноклассников до меня стал доноситься какой-то слитный хор, а голос Ирины Владимировны зазвучал, как из большой бочки – невнятно и слитно. Я полез пальцем в отверстие уха, немного покрутил в нём, и звуки снова приобрели чёткость. На кончике пальца остался комочек зелёноватой слизи. Я вытер его носовым платком, но через некоторое время снова оглох. «Белов, ты ч го там крут ся, – кое-как различил я. – Вста..., ... а... ста! – Смысла последних слов я не понял и продолжал сидеть. Тогда она подошла ко мне. – Ты не слышишь, о чём я прошу тебя, Владик? Я прошу встать», – уже громче сказала она. Я поднялся, успев одновременно прочистить пальцем снова скопившийся гной. Слух тут же восстановился, но Ирина Владимировна неожиданно замолчала и потом достаточно громко произнесла: «Садись, Белов. Передай маме, чтобы она зашла ко мне».

Конечно, дома я рассказал о случившемся. Но мы с матерью давно знали о моей болезни, из-за которой, в период её обострения, в слуховых проходах скапливался гной. В это время я и начинал плохо слышать, пока он не вытечет наружу. Ещё находясь в Евгашино, мать водила меня к местному лекарю, который за деньги взялся вылечить болезнь. Сделал он это довольно быстро. Набрал в пипетку воды и капнул в плохо слышащее ухо.

Не буду вдаваться в описание этого физического явления, связанного со свойством перфорированной (дырявой) слуховой перепонки и находящейся на её поверхности влитой капли воды, но, когда шарлатан спросил меня, лучше ли стало слышать, я утвердительно кивнул головой. И это, действительно, было так, но всего лишь на несколько минут. Обманщик знал о кратковременности эффекта и тут же стал требовать плату.

Удивлённая мать переспросила меня, тогда ещё пятилетнего ребенка, действительно ли я стал слышать лучше. Я снова, но уже неуверенно подтвердил, на что мужчина невозмутимо сказал: «Вот видишь, я его вылечил», – и ласково погладил меня по голове.

Помню, она заплакала от бессилия, не зная, что можно возразить против обыкновенного надувательства. Затем, как и договаривались, мать отдала накопленные ею деньги этому шарлатану. С тех пор мы не обращались даже к врачам, хотя уже жили в Пятигорске, славившимся на всю страну своими здравницами. Но в этот раз, поняли мы, надо было обязательно идти в поликлинику.

Конечно, мать посетила Ирину Владимировну. Это было на перемене. И они, не спрашивая меня, решили, что я должен пересесть на первую парту. Учительница, в свою очередь, пообещала матери учесть мой физический недостаток. Их разговор происходил в присутствии некоторых одноклассников, и это обстоятельство сильно расстроило меня: «тайна» тугоухости, которую я тщательно скрывал от сверстников, стала известна всему классу! Теперь я стал опасаться, что «нормальные» одноклассники всегда будут иметь повод посмеяться надо мной, а ещё хуже, придумают какую-нибудь кличку. Опасение быть кем-то униженным из-за своего физического недостатка, с годами, незаметно сформировало во мне «комплекс неполноценности». И этот психический сдвиг не только повлиял на характер, но и определил всю мою дальнейшую судьбу.

Глава 3. Школьная пора

Спустя месяц, на последнем уроке по арифметике, Ирина Владимировна объявила всему классу, что за выполнение домашних и классных заданий начнёт выставлять отметки. «Теперь всё будет по-другому, – сказала она. – Каждый ученик сможет увидеть, какую он заслужил оценку за выполненную им работу, а родители – узнать о вашей успеваемости в школе». Мы замерли от такой новости: было как-то страшновато, а, с другой стороны, хотелось увидеть в тетради или дневнике желанную оценку. Ну, положим, пятерку или четверку. О тройке или о двойке старались не думать.

Я о плохой оценке тоже не задумывался, так как читал лучше всех в классе, неплохо рисовал и умел считать устно до ста. Правда, я не любил работать со счётами. На палочках считать было легче, но я обходился пальцами: так было ещё удобнее.

Выполнение начавшейся классной работы показалось мне делом нетрудным. Ирина Владимировна писала на доске примеры по сложению и вычитанию простых чисел, а мы должны были переписывать их в свои тетради, но уже с правильными ответами. Решать примеры можно было, применяя палочки или счёты, которые имелись у каждого из нас. Я не стал применять арифметические устройства и, как всегда, обошёлся пальцами, заранее представляя большую красивую пятерку, выведенную Ириной Владимировной за свою работу.

В конце урока она собрала тетради, которые уложила ровной стопкой на учительском столе и показала в учебнике, какие примеры по арифметике следует выполнить дома. Прозвенел звонок. Толкая друг друга, мы поспешили покинуть класс.

Дело в том, что коридор, ведущий к выходу из школьного здания, был узким и длинным, а дверь, выходящая на улицу, хотя и распахивалась настежь, не вмещала всех желающих поскорее выбраться из школы. Из-за этого в начале учебного года мы надолго застревали в узком проходе, пропуская всех учащихся.

Пока мы ждали, у выхода образовывалась толпа из верзил седьмого класса, визжащих девчонок и застрявших между ними младшекласников. Тут же стояла тетя Клава со шваброй. Она наводила порядок среди шумных и рвавшихся на улицу подростков. Иногда ей приходилось применять швабру против наиболее зарвавшихся «добрых молодцев» из старших классов, некоторые из которых умышленно создавали невиданную толчею. «Козлов!» – часто кричала она на долговязого парнишку, которому нравилось, упёршись в дверь обеими руками, никого не пропускать и при этом кричать благим матом, что ему наступили на ногу.

Но, как только швабра тётки Клавы приближалась к нему, он переставал жаловаться и резко проскакивал вперёд. Неожиданное освобождение дверного прохода приводило к кучемале прямо на пороге выхода из школы, после чего слышались истошный смех самого Козлова да жалобные крики пострадавших девчонок и малолеток.

Но постепенно наш класс научился легко выбираться после окончания занятий на улицу. Всё было просто. Поскольку классная комната располагалась рядом с узким коридором, мы, как только заканчивался урок, старались быстрее выбраться из неё, чтобы бежать по ещё пустому коридору к выходу. Оказавшись, таким образом, первыми в школьном дворе, мы часто наблюдали оттуда за отчаянными попытками старшеклассников «вырваться на свободу», а, заодно, и за всеми проделками Козлова с его сообщниками.

Так было и в этот раз. Выбежав во двор сразу после звонка, наш класс, делая друг с другом впечатлениями об уроке, стал расходиться по домам.

* * *

Чтобы посетить врача, мать отпросилась с работы, а рано утром повезла меня в городскую поликлинику. Но там уже было много народа, и мы около двух часов просидели в очереди. Врачом оказалась довольно грубая пожилая женщина в белом халате. Она сидела за небольшим столом. Рядом с ней стояла накрытая белой простыней тумбочка. На ней лежал поднос с всевозможными блестящими инструментами, от одного вида которых мне сделалось дурно: я представил каждый из них в своём ухе.

– Ну что там у вас? – сухо обратилась врач к матери.

Та стала рассказывать историю моего заболевания. Продолжая слушать, женщина вставила в моё ухо холодную металлическую трубочку, опустила прикреплённое к голове круглое зеркало и склонилась надо мной. Затем она намотала кусочек ваты на длинную спицу и вставила её через отверстие трубочке. Я зажмурил глаза от страха и слегка отодвинул голову.

– Сиди спокойно! – приказала врач и притянула мою голову к себе за мочку уха.

Когда она почистила его от скопившегося гноя и проделала то же самое с другим ухом, хмыкнула:

– Всё понятно...

– Скажите, доктор, – нерешительно и с теплившейся надеждой в голосе обратилась к ней мать, – что-нибудь можно сделать?

Врач ответила не сразу и молча достала из шкафа большую клизму.

– Будем вдвух стрептоцид. Десять дней. Другого средства пока не придумали. Затем она оттянула мочку уха, засунула в него наконечник клизмы и вдвух туда какой-то белый порошок. То же самое она проделала и со вторым ухом. Процедура оказалась не из приятных. От сильной и мощной струи выброшенного порошка из клизмы и страшного шума у меня навернулись слезы.

– Ничего. Терпи. Будешь ходить ко мне каждый день. А плакать нечего. Это совсем не больно, – отчитала меня врач и стала что-то записывать в медицинскую карту. – Можете идти. Зина, зови следующих, – приказала она медсестре.

* * *

На другой день наш класс с нетерпением ждал урока арифметики. По расписанию он был вторым, и на перемене, не выходя из помещения, все оживленно обсуждали, кому и какая может достаться отметка. Я был спокоен, рассчитывая получить пятёрку или, в крайнем случае, четвёрку. Прозвенел звонок. Как всегда, строгая и подтянутая, вошла Ирина Владимировна.

После приветствия она прошла между партами и сделала замечание Бурдакову Юрке: у того был растрёпанный вид и грязные руки. Затем села за стол, проверила по журналу присутствующих и положила руку на принесённую ею стопку наших тетрадей. Мы замерли.

«А теперь, – сказала Ирина Владимировна, – поговорим о наших первых оценках. Можно смело сказать, что большая часть из вас неплохо справилась с классным заданием. И это хорошо. Но меня огорчили те учащиеся, которые, на мой взгляд, могли бы выполнить нашу классную работу на отлично или на четвёрку. Сейчас я не буду называть имена этих учеников. Первый блин, как говорится, комом. Я просто раздам вам тетради на руки, чтобы каждый сам увидел свою оценку и сделал правильный вывод. А потом мы продолжим урок арифметики».

С этими словами Ирина Владимировна раздала тетради. В классе постепенно стало нарастать оживление по мере того, как очередной ученик открывал свою тетрадь.

– У меня «четвёрка», – важно объявил со второй парты Киселёв Игорь.

– Ребята! У меня тоже! – почти заорал его сосед. – Вот не думал!

Посыпались и пятёрки, владельцы которых не только громко хвастались соседям, но и подпрыгивали на своих партах. Но некоторые ученики, открыв тетрадь, молчали и сразу же закрывали её, озираясь на товарищей.

Дошла очередь и до меня. Я взял свою работу и, ничего плохого не подозревая, открыл тетрадь. В ней красовалась не ожидаемая мною «пятёрка» и даже не «четвёрка»! Там стояла жирная «тройка»! Я захлопнул тетрадь и почувствовал, как меня бросило в жар. Не веря глазам, но теперь уже осторожно, открыл её снова, но наглая тройка от этого не исчезла. Тогда я сунул тетрадь в портфель, испугавшись, что кто-нибудь захочет посмотреть мою оценку. Тяжело вздохнув, как бы с безразличным видом, я стал разглядывать лица одноклассников. Среди них теперь можно было легко угадать своих сотоварищей по несчастью.

Впоследствии, я вырвал этот злополучный листок с тройкой, чтобы, не дай бог, её не увидела мать или обрадованный моим неуспехом отчим. После экзекуции над тройкой тетрадка стала расползаться, и я, со временем, выбросил её, как страшный сон из головы. Однако это событие, связанное с получением первой оценки в моей жизни, выбросить из памяти, как разлетевшуюся тетрадь, мне не удалось до сих пор.

* * *

Шло время. Я обзавелся новыми друзьями. Конечно, в первую очередь, это были одноклассники или ровесники из параллельного класса. Больше всех я сошёлся с Виталькой Головки. Нам было по дороге из школы, и вместе с его братом Димкой мы проделывали каждый день один и тот же путь до моих барачков. Дальше ребята шли сами.

Я любил приходить к ним в гости по выходным дням. Их просторный дом и двор располагались в тупике неасфальтированной улицы. Здесь росла невысокая трава, что позволяло использовать улицу в качестве игровой площадки. По этой причине у Виталькиного двора часто собирались местные мальчишки и, когда было сухо, устраивали всевозможные игры: в городки, футбол, рюшки, в слона или козла.

На заросшем бурьяном поле перед моим барачком играть в такие игры было невозможно. Даже пригласить друзей в свою небольшую комнату, заставленную мебелью, я не мог. Да и мать требовала, чтобы в дома были чистота и порядок. Поэтому Виталик приходил ко мне в гости редко и мимоходом. Привыкший к простору, он долго не задерживался и, обычно, приглашал играть к себе.

Мой новый друг был сообразительным и способным пацаном. Никто лучше его не играл в городки и рюшки. Не было ему равных и на уроке по физкультуре. Кроме того, он обучался в детской музыкальной школе. Учился везде легко, благодаря своим природным способностям. По натуре беззлобный, ловкий и весёлый, он притягивал к себе ребят и был прирождённым лидером. Помню, я завидовал ему. Но между нами царили только дух соперничества и искренней дружбы. Как показала жизнь, общение с ним научило меня многому.

В своём дворе и в доме напротив я тоже нашёл друзей. Это были Витька Федоренко и Володька Загруднов из параллельного класса. Вовка жил через улицу в собственном доме. Его мать официально считалась разведённой, и у неё, время от времени, появлялись сожители, которых она требовала от послушного сына называть папами. По натуре мечтательный и, я бы сказал, нежный мальчик, очень похожий на свою мать, Вовка легко вписывался в нашу компанию с Витькой. Его не надо было уговаривать, чтобы он вышел поиграть на улицу или сходить прогуляться по окрестностям Новопятигорска. Часто оставаясь дома один, он с удовольствием общался с нами.

Витька Федоренко был его полной противоположностью. Он жил со мной в барачке. Поджарый – в отца, он обладал вспыльчивым характером и мог легко полезть в драку. Даже я, несмотря на мою плотность и умение неплохо бороться, побаивался его дикой ярости, в приступе которой Витька хватал всё, что попадало под руку, чтобы нанести удар противнику. Но у нас с ним был своеобразный паритет. Зная его вспыльчивость, я не навязывал своего

мнения и, если он возражал, просто уходил к другим друзьям. У меня их было достаточно, а у него – я да Вовка. Не желая терять дружбу, он был вынужден считаться со мной.

Вообще семья Витьки была нелюдимою, замкнутой и немного странной по сравнению с соседями. Те дружили, ссорились, дрались по пьянке, как и бывает среди рабочих. Но Федоренковы особо ни с кем не общались, и что там у них делалось, мало кто знал. Мать Витьки, расплывшая и невысокого роста женщина, почти целыми днями просиживала на табуреточке, выставленной ею на площадку входных ступенек барака. Накрыв её растолстевшей задницей, она постоянно щёлкала жареные семечки и собирала, как говорила моя мать, сплетни о соседях. Я никогда не видел её убирающей комнату или готовившей пищу. Тем не менее, хозяйина семьи, поджарого и небольшого роста мужичонка, видимо, такая жизнь устраивала. Тот, молча и незаметно, уходил утром на работу и также тихо возвращался, почти не общаясь с соседями.

Меня поражала и ещё одна их семейная странность – Витька обращался к матери только на вы и подчинялся ей, можно сказать, беспрекословно. Говорили, что он был поздним ребёнком в семье. Учился Витька слабо и без особого желания.

* * *

15 декабря наша семья решила отметить день рождения матери. Пригласили несколько человек из нашего барака, в том числе и Валькину мать, работающую с отчимом на одной стройке. Приехали какие-то незнакомые мне люди, земляки отчима из Сибири, и среди них – дядя Гоша – весёлый, разбитной и, видать, добрый дядька. Он пришёл в кожаном длинном пальто, заметно прихрамывая на правую ногу. Оказалось, что дядя Гоша – бывший военный лётчик, потерявший правую ногу на фронте. Среди прочих наград на его пиджаке красовался и орден Красной звезды.

Гошка, так называли его некоторые гости, сразу оказался в центре всеобщего внимания, потому что был балагур и любил травить смешные фронтовые анекдоты. Мне он, как и всем, тоже понравился. Посадив на целую ногу, дядя Гоша при первой нашей встрече дал потрогать все его награды и даже отвинтил орден, чтобы я смог подержать его в руке. Было видно, что в любой компании он сразу становился всеобщим любимцем. Так было и в этот раз.

Гости тянулись к нему, а некоторые ласково называли Гошей и при этом подтрунивали над его одной ногой, вроде того, что теперь, у него стало в два раза меньше девок. Но он на такие шуточки не обижался. Смеясь, дядя Гоша заявлял, что в любовном деле это не главное, а вот главное-то как раз у него в полном порядке.

Когда же он вынул из кармана дорожную коробку «Казбека» и бросил её всем на стол, то покорила этим окончательно и тех, кто его до сих пор не знал.

– О-о-о! – в один голос зашумели гости. – Смотри-ка, «Казбек»! – и курящие дружно потянулись рабочими ручищами к уже открытой коробке.

Валькина мать тоже вытасила из неё хорошо пахнущую папиросу, и дядя Гоша, как заправский ухажёр, поднёс к её лицу зажжённую зажигалку.

– Спасибо, Гоша. Вот это настоящий кавалер! – воскликнула она и поцеловала его в щеку.

– Ты, Гошка, смотри! – обратился к нему один из приехавших, – а то нас без баб оставишь.

– Да-а, – с задумчивой иронией сказал другой, а, если бы у него сейчас и вторая нога была?

Мужики дружно рассмеялись.

– Ладно, не бойтесь, – ответил он, – мне всё равно надо протез снимать, а то сидеть неудобно, да и культя болит. – Как хозяйка разрешишь? – обратился он к матери.

– Гоша! – попросила она, – давай выпьем по стаканчику за встречу. Видишь, люди заждались? А потом я помогу тебе снять и протез, и всё, что ты попросишь.

Все засмеялись от её шутки и подняли гранёные стаканы. «За встречу, дорогие гости», – послышался голос отчима. В это время я уже успел достать наш маленький граммофон, пластинки, и комната наполнилась жизнерадостной музыкой фокстрота и клубящимся дымом папирос.

Через некоторое время к нам пришла Валька. Скромно поздоровавшись со всеми, она подошла к танцующей тётке Клаве и что-то проговорила той на ухо.

– Молодец, дочка, – услышал я. – Раз, говоришь, выучила – можешь пойти и погулять. Но Валька топталась на месте.

– А, Валечка! – заметила её мать. – Ну-ка давай за стол, – и повела её к единственно свободному месту возле дяди Гоши.

Тот сидел за столом без протеза и в одних трусах. Изрядно захмелев и, наверное, устав с дороги, он опёрся двумя локтями в стол и положил на подставленные ладони голову с молодыми вьющимися тёмно-каштановыми волосами.

– Гоша! – попыталась растолкать его мать. – Ты что? Уже спать надумал?

– Устал, – забубнили мужики. – Попробуй-ка так на одной ноге весь день походить, вот и сморило его.

– Лидка! Уложи его на кровать и подвинь к стенке, – посоветовал отчим.

Надо сказать, что за неимением лишних стульев, часть гостей и Гошка сидели на краю кровати. Поэтому мать откинула притомившегося гостя на большие подушки, привезённые ещё из Сибири, и, подхватив его единственную ногу, закатила того поближе к стене. Там Гошка и продолжил свой сон в одних трусах, съехавшими немного набок. В комнате было жарко, поэтому накрывать его толстыми ватными одеялами не стали. Веселье продолжилось.

Наконец, изрядно подвыпившие гости заметили, что мать, в основном, хлопочет между печкой и столом. Они потребовали от неё выпить штрафную. Налили стакан водки. Под общее одобрение, с утра ничего не евшая, мать выпила спиртное до дна и быстро захмелела. От этого её голубые глаза засветились озорным блеском, и она вместе с тетей Клавой вышла на середину комнаты.

Дробя пол каблуками, они стали соревноваться в пении наперебой матерных частушек. Мужики смеялись, хватались за животы и одобрительно кричали:

– Ай, да Лидка! Уморила!

– И-их! – закончила мать соревнование с тётей Клавой, которая в Сибири не жила и не всегда могла остроумно ответить местными частушками.

– Клавка, – по-хозяйски позвала мать, – иди, сядь со мной. Валечка, подвинься: пусть твоя мама рядом посидит. Ваня! Наливай гостям, – приказала она отчиму.

– Ну, ты, я вижу, Лидка, разошлась, – нарочито неодобрительно и, в то же время, гордясь женой перед мужиками, – откликнулся он.

Налили. Выпили. Кто-то из мужиков запел:

Ревела буря, дождь шумел,
На небе молния блистала;
И непрерывно гром гремел,
И в дебрях буря бушевала.

Последнюю строфу на повторе подхватил весь стол.

Я очень любил эту песню, ещё живя с Сибири, и сразу представил картину тёмной и страшной в такую погоду дикой тайги. Тогда я ещё не понимал основного смысла спетого, не знал, кто такой Ермак, но я хорошо представлял те места и страх перед разбушевавшейся стихией.

Затем гости спели ещё несколько грустных и красивых народных песен, после которых один мужик, закрыв лицо ладонями и поставив локти на стол, заплакал. «Коленька, – стала гладить его по голове сидящая рядом женщина, видно, жена, – не надо». Все забеспокоились, зашумели, но гладившая мужа по голове женщина стала успокаивать их: «Это у него пройдет. Мать недавно похоронил». Последние слова она произнесла притихшему столу почти шёпотом, продолжая гладить по спине мужчину.

– Эй! Владик! – услышал я голос отчима. – Поставь-ка нам что-нибудь повеселее.

Я схватил первую попавшую пластинку, но вместо весёлой музыки полился торжественный и шемящий душу вальс «Амурские волны».

– Ладно, – крикнул отчим. – Наливай! – приказал он сам себе и достал из-под стола припасённую им большую бутылку самогона.

– Валя, – раздался голос уже пьяной матери, – иди, потанцуй с Владиком вальс, а мы посмотрим.

Валька, как бы нехотя, поднялась, польщенная просьбами и со стороны гостей.

– Что опять мне будешь на ногу наступать? – негромко спросила она.

– Ты только не быстро.

– Ладно. Давай руку, а вторую клади мне на талию. Ты что? Забыл, где она у меня? – спросила Валька, заметив, как я сразу засмутился, – Пора бы и запомнить, Оладик. Она взяла мою руку и приложила к себе.

– Держись крепче, дурачок, – прошипела партнёрша и с силой прижала мою ладонь своей рукой.

Мы опять, как и в первый раз, стали топтаться на месте, изображая танцующих. Пьяных гостей это очень умилило, и они наперебой начали хвалить нас. Я же изо всех сил старался не наступить Вальке на ногу. В конце концов, наступил и отодвинулся от неё. На этот раз она уже и сама стала побаиваться приближаться ко мне. Тем не менее, под аплодисменты застолья, мы закончили танцевать этот длинный вальс и выбежали в коридор: там слышались знакомые голоса соседских детей.

В коридоре из-за того, что ещё не было проведено электричество, было очень темно, и Валька потребовала подать ей руку, чтобы, как выразилась она, «не расшибить себе лбы». Так, держась друг за друга, мы добрались до выхода, где и столкнулись со Светкой, Витькой и долговязым парнем, которого я видел в день приезда новых жильцов.

С ним я ещё не успел познакомиться, поскольку тот учился во вторую смену. Звали его Толиком. Будучи взрослее нас с Витькой, он быстро нашёл общий язык с девчонками. Когда мы стали играть в прятки, новый сосед бесцеремонно прижимал их к стенам коридора, хватал рукой ниже пояса, оправдываясь тем, что у него это получается случайно, из-за темноты. В ответ Светка и Валька притворно визжали и обзывали его придурком.

Я быстро понял, что Светке и, особенно, Вальке такое обращение нравится, а пищат и жалуются они только для вида. Витька же стоял или просто ходил за ними, как лопух, не представляя, что ему следует делать в такой ситуации. После очередного притворного визга Вальки я незаметно направился к своей комнате, которая гудела от хохота взрослых. Немного расстроенный, тихо зашёл и был вынужден, как вкопанный, остановиться возле порога.

Оказывается, гости смеялись над выходкой матери, которую, я уверен, она бы никогда не сделала, не будучи сильно пьяной. Она изображала продавщицу. Со словами «Кому хорошей колбасы?» мать держала в руке чистую тарелку, на которой были уложены вывалившиеся из трусов мертвецки спавшего Гошки его гениталии. От увиденной сцены в комнате стояли смех и истошный стон пьяных гостей. Меня никто не заметил. Осторожно пятясь назад, я снова вышел в тёмный коридор.

Приближался Новый год. Начальство пообещала жителям «дать электрический свет в бараки к празднику». Уже были вкопаны деревянные столбы, натянуты провода и, поговаривали, что дело осталось за малым – подсоединить новую линию к электростанции. Но в самих бараках сделать проводку не успели. Стало ясно, что Новый год опять придётся встречать без электричества.

Когда до праздника оставалось несколько дней, отчим решил самостоятельно подсоединиться к натянутым мимо наших окон электрическим проводам. Всё уже знали, что они находятся под напряжением. Вечером, в канун Нового года, он принёс со стройки большую электрическую лампу с черным патроном, из которого выходили длинные изолированные провода. Своё сооружение он устроил в форточке коридорного окна, а идущие от патрона изолированные провода с загнутыми и оголёнными концами набросил на провода, натянутые на столбах. Оставалось только вернуть лампу.

Когда стемнело, в коридоре барака столпились взрослые и дети, чтобы посмотреть, сможет ли Иван подключиться к электросети. Озабоченный отчим, по всей вероятности, переживающий за результат эксперимента, ещё раз осмотрел своё сооружение. И вот он ввернул лампу. Она вспыхнула очень ярким светом под наше громкое «Ура!» и мгновенно прогнала темноту из длинного барачного коридора. Привыкшие к полумраку керосиновых ламп, наши глаза восприняли электрический свет как чудо. Для собравшихся жильцов, особенно для детей, это был настоящий новогодний подарок. «Ай, да Иван! – хвалили его соседи. – Молодец!»

Но окончательно электричество провели по комнатам только спустя месяц. Наброшенное отчимом на токонесущие провода сооружение сняли сразу после Нового года и пригрозили наказать того, кто это сделал. Конечно, никто не выдал Данко, давшего на праздник свет людям!

* * *

Шло время. Весной нашей семье все-таки удалось перебраться из угловой комнаты барака в комнату №9. Из неё выехала семья, и отчим, подсуетившись, договорился с начальством о том, чтобы переселиться на освободившуюся площадь. Сама комната выходила окном на асфальтированную улицу, что вполне устраивало мать, и располагалась дверью ближе к выходу из барака. Последнее – имело значение, так как воду приходилось носить со двора, набирая её из колонки.

Но прежде чем перебраться на новое место, отчим затеял ремонт. Естественно, материалы тащил с работы. Раздобыв хорошую половую краску, он добавил туда, как любил потом хвастаться, яичный желток, для крепости и блеска. От этого покрытие пола получилось блестящим, гладким, и имело приятный светло-коричневый оттенок, напоминающий цвет паркета. Печку отчим сломал и сложил новую. Она имела большую духовку, которой мать потом никак не могла нарадоваться; мощную тягу, благодаря чему разведённый огонь разгорался сразу и весело; и, наконец – просторную чугунную плиту, быстро нагревающуюся после того, как растапливали печь. Но больше всего мне понравился раковомойник. Сделанный отчимом из оцинкованного железа его плоский бак вмещал полтора ведра, что позволяло нам не так часто носить воду со двора. Раковомойник имел белую эмалированную раковину с двумя углублениями для мыла. Под раковиной отчим смастерил тумбочку с дверцей, за которой стояло ведро для слива воды из раковомойника.

После ремонта мы купили мебель: диван, шифоньер и обеденный стол, за которым я мог делать и свои уроки. Оставили только большую никелированную кровать да старые табуретки. Их отчим ценил и говорил, что в магазине такие крепкие уже не купишь. Теперь я спал на новом диване, который, как и кровать родителей, поставили возле единственного большого

окна, но только с другой его стороны вдоль боковой стены комнаты. А вскоре мать повесила и белую штору из дорогого тюля. От этого комната сильно преобразилась, стала светлой и очень уютной.

Переселение, конечно, обмыли по-соседски. Валькина дверь находилась теперь напротив. Но я, после того, как убедился, что той нравится, когда её «лапают», несколько охладел и старался избегать встреч с нею. Даже когда гости попросили нас станцевать, притворно пожаловался на якобы разболевшуюся ногу.

К этому времени закончился учебный год. Та злополучная «тройка», полученная в качестве первой оценки за классную работу по арифметике, убедила меня в том, что учёба не лёгкое дело и требует каждодневных усилий. Боясь ещё раз получить позорную оценку, я стал тщательнее готовиться к занятиям. В результате, к концу года вышел в круглые отличники по всем предметам. Я помню, с какой радостью светились глаза матери, когда на последнем классном собрании Ирина Владимировна выделила меня, как старательного и примерного ученика. Довольные успехами, мы пошли домой. Уже во дворе, разговорившись с соседкой, мать не преминула поделиться с ней, что её сын – круглый отличник. «Поздравляю, Лида, – ответила она и с уважением посмотрела на меня. – А вот мой шалопай (женщина говорила о сыне, ученике старших классов) нахватал троек. Когда был маленький, слушался, а теперь его за учебники палкой не усадишь. Только отец с ним и справляется. Если что – сразу ремнём». И дальше они продолжили совсем неинтересный для меня женский разговор.

* * *

После окончания учёбы начались и первые в моей жизни летние каникулы. Теперь, уже ученик второго класса, я мог отдыхать целых три месяца! Любимым времяпровождением для меня стали игры, которые устраивал Виталик возле своего двора, а больше всего – шахматы, в которые мы могли играть часами.

Уроки этой замечательной игры преподавал мне тот же Толик, из-за которого я обиделся на Вальку. Он оказался мягким и добродушным парнем и, к тому же, имел свой дешёвенький набор шахмат. Несмотря на разрыв в возрасте, он согласился обучать меня игре из-за отсутствия желающих сразиться с ним. Таковых в нашем бараке пока ещё не было.

Из него вышел хороший наставник. Я сразу полюбил шахматы и довольно быстро научился осмысленной игре. Моему учителю уже приходилось иногда задумываться над своими ходами. Но любовь к шахматам сделала меня и неутомимым учеником. Все больше и больше я стал надъедать Толику просьбами сразиться со мной в шахматы в надежде, когда-нибудь обыграть своего учителя. В конце концов, он отказался вообще играть со мной, найдя во дворе взрослого шахматиста. Я понял, что ему надоело иметь дело со слабым противником и постоянно выигрывать у меня. Вот тут-то, подружившись с Виталиком, который тоже недавно освоил азы шахматного искусства, мы и сошлись в борьбе за лидерство, длившейся потом годами.

Виталик играл легко, любил подтрунивать над моими ходами, мыслил комбинационно и был хороший тактик. Ему обычно везло, и он часто уходил невредимым от моих шахматных ловушек. Я, наверное, был его противоположностью. Сосредоточенный на стратегических планах, часто допускал простые ошибки, которыми мой соперник удачно пользовался, избегая поражения. Но постепенно, мы стали как бы дополнять друг друга: он, разгадывая мои далеко идущие замыслы, приобретал глубину в расчётах, я же – учился у него комбинационности и вниманию при очередном ходе.

Со временем наша борьба за лидерство в шахматах приобрела более упорный характер. Собиравшиеся возле его дома друзья уже с удовольствием следили за нашими шахмат-

ными баталиями, разделившись на два лагеря болельщиков. Некоторые пытались подсказывать, мешая честной игре, но такому «помощнику» доставалось от нас обоих.

В попытке доказать друг другу, кто из нас играет лучше, мы стали встречаться чаще. Особенно мне нравилось проводить время за шахматами на его большой и просторной веранде, когда шёл дождь, и нам никто не мешал из друзей своими подсказками. Его родители не возражали, и мы, расположившись прямо на деревянном полу, сражались не на шутку серьёзно. Это были замечательные минуты! Правда, к концу нескольких партий подряд у нас начинали болеть головы, но захваченные этой изумительной игрой и интеллектуальной борьбой за лидерство, мы расходились с мыслью, что встретимся ещё раз, чтобы доказать друг другу своё превосходство.

Иногда, в дождливую погоду, там же, на веранде, мы собирали из конструктора для детей всевозможные машины и подъёмные краны. Сооружали из кубиков замки и дворцы, чтобы потом «брать их штурмом», расстреливая наши сооружения из самодельного детского ружья, сделанного Виталиком.

Он был мастеровой пацан. У моего друга даже имелся собственный набор инструментов, которыми он умело пользовался. И это не удивительно: дед Виталика прослыл хорошим мастером по изготовлению красивых, отделанных перламутром баянов и аккордеонов. Мастеровитость деда и передалась внуку. Специально для него тот изготовил небольшую инкрустированную гармошку и такой же красивый небольшой баян для занятий в музыкальной школе.

У Димки, брата Виталика, особых увлечений не было. Внешне он походил на мать, преподавателя детской музыкальной школы по классу баяна. Будучи щуплым мальчиком, Димка выглядел невзрачно, но вёл себя заносчиво, пользуясь авторитетом брата среди знакомых мальчишек. С ним я особо не дружил, да и он не проявлял интереса ни ко мне, ни к играм, в которые мы любил играть с Виталиком.

* * *

Наш двор, по-прежнему, представлял собой огромный с целый квартал пустырь, на котором росло всё, что могло выжить в борьбе друг с другом. В основном, это были: репейник, лебеда да жгучая крапива, высота которой достигала огромных размеров. Начиная с лета, сорняк, словно орда, подступал к баракам, которые соединяла лишь одна единственная тропинка. Но и проходя по ней, можно было легко обжечься нависшей крапивой или пораниться о какое-нибудь колючее растение. Особенно одолевал мощный, плохо поддающийся уничтожению репейник. Возле барачков жители пробовали освободить землю с помощью кос, но это орудие труда быстро тупилось о толстые стебли. Махнув рукой, добровольцы довольствовались лишь выкосом небольших участков при входе в дом.

Рабочие не раз обращались к начальству с просьбами вспахать трактором заросшую территорию. Но у тех, кто был ещё выше, имелись свои планы – на пустыре предполагалось строительство пятиэтажных «хрущёвок». «Есть городской план застройки, – говорили „умные люди“ наверху, – и всё. А то, что пустует земля, – добавляли они, – это не ваше дело. Вспашем, а вы там разведёте огороды с дачами, и потом вас оттуда без суда не выковыряешь». Поэтому сорняк рос беззаботно и доставлял большие неудобства жителям барачков, мечтающих засадить это большое заросшее поле своими огородами.

Войну сорнякам объявили я, Витька и Вовка. Сделав из железных прутьев сабли, мы стали рубить его, призвав на помощь пацанов из соседних домов. Однако помощнички вскоре разбежались и оставили нас один на один против зелёных полчищ. К этому времени отчим сделал для меня меч из нержавеющей стали, который можно было вложить даже в ножны, изготовленные им же из оцинкованного железа. Как следует вооружившись, я предложил своим

друзьям изобразить из себя трёх богатырей и сражаться с сорняками до победного конца. И моя идея им понравилась.

Разумеется, имея «настоящий меч», мне захотелось стать Ильей Муромцем, но Витька заупрямился: он не любил кому-либо подчиняться. На его протест я продемонстрировал меч и сказал, что у него такого нет, а со своей сабелькой из железного прута тот больше похож на татарина. Этот довод возымел действие, и мой друг уступил. Роль самого младшего богатыря, Алеши Поповича, тогда должна была отойти к Вовке. Но он серьёзно, чуть ли ни до слёз, заупрямился.

– А почему я? – заныл Вовка. – Как что плохое – сразу мне. Прошлый раз заставили быть Иванушкой Дурачком.

– Алеша Попович – богатырь, а не Иванушка Дурачок, – как можно любезнее стал объяснять ему я.

– А может ты, Ильей Муромцем хочешь стать? – делано возмущился Витька. – Ты на себя посмотри. Ну-ка сожми руку, покажи свои мышцы, – приказал он.

Володька, тужась из всех сил, согнул правую руку в локте, но на месте бицепса у него образовался маленький бугорок под тонкой и бледной кожей.

Я пощупал его согнутую руку ниже плеча и сомнительно покачал головой.

– Разве это мышцы!? – опять притворно возмущился Витька и сильно ткнул указательным пальцем в бугорок.

Володька поморщился от боли и опустил руку.

– Вот видишь? – назидательно поддержал я Витьку. – Из тебя и Добрыни Никитича не получится.

– Ладно, пацаны, я согласен, – сморщив лицо от боли и потирая ладонью вскочившую на руке шишечку, сказал он.

В тот день мы долго рубили сорняки. Сильно устали. От тяжёлого меча у меня разболелась правая рука; Витька, убедившись, что его сабелькой много сорняков не уничтожишь, ругался матом; а Володька, устав первым, повалился на густую траву. Некоторое время спустя, рядом с ним улеглись и мы.

– Ничего, – утешал я их и самого себя, – завтра ещё порубим. – И погладил свой мокрый, но не достаточно острый меч.

На другой день мы снова, правда, уже без первоначального энтузиазма, продолжили сечу. Витька попросил меч, чтобы опробовать его в бою с репейником, который плохо поддавался рубке, я же с удовольствием стал махать его лёгкой сабелькой, пока мы снова не присели на землю.

– Нет, тут без плуга и трактора не обойдёшься, – сказал практичный Витька.

– Рубили, рубили, а их вон, сколько ещё осталось, – поддержал его вконец уставший Володька.

Я молчал: не подобало Илье Муромцу сдаваться и срамить великую Русь! Затем поднялся, театрально выхватил из ножен меч и крикнул, обращаясь к развалившимся на траве богатырям:

– Кто к нам с мечом придёт, от него же и погибнет!

Моя рука стала с яростью махать направо и налево, и дружина, нехотя, снова вступила в неравный бой.

Неожиданно стал накрапывать дождь. Он зашуршал посреди полчищ сорняков, и нам показалось, что враги оживились, радуясь влаге и нашей малочисленности.

– Не посрадим земли русской! – снова попытался я воодушевить товарищей. Но дождь усилился и заставил нас с позором покинуть поле боя.

Он лил два дня, почти не переставая. Когда мы снова выбрались поиграть в богатырей, то увидели, что порубленные сорняки и, особенно, репейник, снова подняли головы, нагло поглядывая на нас набухающими бутонами, оставшимися на сломленных стеблях.

* * *

Дни каникул пролетали быстро. Вот уже подкрался август, и хотя трава оставалась зелёной, в кронах деревьев то там, то здесь появились пожелтевшие листочки, которые незаметно оказывались на земле после сильного ветра или дождя. Они напоминали о том, что не за горами осень и скоро начнутся занятия в школе.

В один из таких дней августа я, Витька и Володька решили сходить к аэродрому, рядом с которым располагалась «гора Бикет». Так местные жители прозвали большой холм, находящийся рядом с лётным полем. Взобравшись на покрытую травой высоту, мы обнаружили на её верху воронку от снаряда, превратившуюся с годами в неглубокое и заросшее густой травой овальное углубление.

С холма просматривался весь аэродром, с которого шумно взлетали или садились на него небольшие самолёты, прозванные в народе «кукурузниками». Задрав головы, мы стали наблюдать за их полётами.

– Кукурузники невысоко летают, – прокомментировал очередной полёт Витька. – Если что, можно легко спланировать на землю. Другое дело – реактивный самолет, – продолжал он демонстрировать свои познания в авиации, – на нём так легко не спланируешь, и нужен обязательно парашют.

– Интересно, – подхватил я, – а у лётчиков этих кукурузников имеются парашюты?

– Не знаю, – честно признался Витька.

– А зачем им парашюты?! – воскликнул Вовка. – Смотри, как они низко летают.

– Дурак! Это мы сидим на высоте, и нам кажется, что они низко летают, – возразил я.

– Значит и у них должны быть парашюты, – сделал вывод Витька.

– Эх! Полетать бы самому на таком самолете, – мечтательно сказал Вовка. Он заложил руки за голову и растянулся на траве.

– Ишь, чего захотел, Витька! – рассмеялся я, кивая тому на Вовку, и сам же ответил мечтателю: – Для этого сначала надо научиться летать.

– Папа учил меня ездить на студебекере. Он прямо посадил меня к себе на колени и говорит: «Держи баранку». Целых три километра я сам рулил, – с гордостью возразил наш младший друг.

– Это какой папа? Тот, что с весны у вас живёт? – стал уточнять Витька.

– Да.

– Хороший, небось, папа, – полюбопытствовал я.

– Как трезвый – хороший, а как напьётся – начинает гонять мать и кричать: «Ты что тут, бл..., без меня делала?!» И мне иногда достаётся, если не успею на улицу выбежать.

Я и Витька замолчали, жалея безобидного Вовку, который и драться-то не умел.

– А знаете что, ребята? Скорее всего, здесь шёл бой, – сказал я, желая поменять тему разговора, которая была знакома мне ещё с Евгашино. Мы подскочили и подошли к заросшей воронке. Я лег в неё и высоко поднял голову. – Здесь было укрепление «наших». Это углубление не от бомбы! Смотрите, как хорошо просматривается всё вокруг! – и, как бы нажав гашетку, изобразил голосом выстрелы пулемета:

– Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та...

Друзьям моё предположение пришлось по вкусу, и они стали бросать комки земли вниз по склону холма, изображая летящие во фрицев гранаты. Атака немцев скоро захлебнулась, но они ещё оставались на высоте, поблескивая касками и изредка отвечая огнем.

- Патроны на исходе! – прокричал Витька.
- В атаку! – скомандовал я.
- Ура! – писклявым голосом поддержал Володька.
- Ура-а! – подхватили я и Витька, и враг был сброшен с высоты.

Одержав победу над воображаемым противником, мы снова легли в траву на склоне холма и уставились в чистое небо. На самом его краю уже начали собираться тёмные тучи. Они сначала зацепились за вершину остроконечного Бештау, немного отдохнули и стали спускаться вниз.

– Красивая гора! Вот бы там побывать, на са-а-мом верху, Витька, а? – обратился я к другу.

- Говорят там опасно и могут не пустить наверх.
- Почему? Откуда ты это знаешь? – наперебой обратились к нему я и Вовка.

– Отец работал там в карьере. Рассказывал, будто бы уран добывают. Поэтому и стоит охрана. Никого не подпускает. Или могут, если не слушаешь, арестовать, – осторожно сообщил нам Витька.

– И ты это всё знал, а нам ни разу не рассказывал!

– Отец запретил. Да я и так вам почти всё разболтал, – отмахнулся Витька и резко встал на ноги. – Ладно, айда, домой. Видите, туча какой стала. Может полить сильный дождь, – сделал он вывод и побежал вниз по склону Бикета.

– Надо все-таки сходить на Бештау, – прокричал я ему в след и тоже, с Вовкой, побежал за ним, опасаясь приближающегося дождя, крупные капли которого уже посыпались на наши головы.

Чувствовалось, что надвигался ливень, от которого нам уже не убежать и не спрятаться под деревом: впереди, до ближайших домов, было голое поле. Однако и возле первых частных домов мы не смогли укрыться от дождя. Постояв недолго под ветвями, свисающей из-за забора вишни, мы побежали дальше. Возбуждённые бегством от дождя и громко смеясь, мы шумно ворвались в коридор нашего барака. Но Володьке ещё надо было пересечь огромный пустырь и улицу, чтобы добраться до дома. Я позвал его к себе. Он, дрожа от холода и щёлкая зубами, ответил:

– Мамка ругать будет, а то ещё и папаша, если приехал, всыплет ремня.

Дождавшись некоторого затишья, наш друг бросился бежать, шлёпая босыми ногами, по вскипающим и пузырящимся от дождя лужам.

* * *

Наступило первое сентября, но Пятигорск продолжал утопать в зелени ореховых деревьев и акаций. По-прежнему, было много цветов, стояли ясные и уже не такие жаркие дни. Первой новостью, которой встретила школа, было сообщение завуча о том, что у нас будет новая учительница. Вместе с ней он зашёл к нам на первый урок и представил немолодую, с чёрными волосами и проседью между ними женщину.

– Ребята, – обратился он к нам, – теперь у вас будет новая учительница. Зовут её Ольга Ивановна. Прошу любить и жаловать. Пожалуйста, Ольга Ивановна, занимайте ваше место и начинайте урок. – Вопросы ко мне есть? – снова обратился к классу заведующий.

– А как же Ирина Владимировна? – спросил кто-то с задней парты.

– Ирина Владимировна, к сожалению, покинула нашу школу. Но, я думаю, что вы также подружитесь и с Ольгой Ивановной. У неё очень большой опыт работы, и я, надеюсь, что она скоро понравится вам. Желаю всем успехов в новом учебном году! До свидания.

Мы дружно встали и хором (все-таки завуч!) – прокричали:

– До свидания!

– Садитесь, ребята, – добрым и спокойным голосом обратилась к нам Ольга Ивановна. Она надела очки и открыла классный журнал. – Для начала, давайте познакомимся.

Потекли школьные дни. Новая учительница понравилась всему классу. Как потом мы узнали, она жила одна и не имела собственных детей. Поэтому её отношение к нам больше напоминало отношение матери. На её уроках можно было свободно повернуться назад, пошептаться с соседом по парте и даже лишний раз попроситься сходить в туалет. Последнее для меня было важно, поскольку я был очень стеснительным и старался терпеть до конца урока.

Иногда, Ольга Ивановна приглашала нас к себе домой, поила чаем с конфетами, а том усаживала за большой круглый стол и играла с нами в лото. Отличники и хорошисты ходили у неё в любимчиках, в число которых попал и я. Но это никак не отражалось на остальных. Словно добрая мать, она лишь ставила нас в пример непослушным и ленивым ученикам, но никогда и никого из них не унижала. Я вообще не помню, чтобы Ольга Ивановна кричала на кого-либо из нас. Наоборот, самым большим наказанием было её молчание или нежелание разговаривать с провинившимся учеником.

Поэтому мы, словно галчата, смотрели ей в рот и ждали, на кого она обратит своё учительское внимание, дожидаясь от неё очередной похвалы. Она же хвалила с удовольствием, радуясь за нас, как за собственных детей. А кто из детей не любит, чтобы его хвалили за хороший поступок или оценку? Честолюбивый и старающийся быть впереди всех, я словно приобретал крылья после её похвал и старался учиться ещё прилежнее.

К этому времени я увлёкся чтением книг. Конечно, по началу, это были сказки, и их чтение стало моим вторым увлечением после шахматной игры. Единственным человеком, которому это не понравилось, был отчим. Завидев меня с книжкой в руке, которую я обычно читал лёжа на диване, он не упускал случая прокомментировать увиденное им матери:

– Смотри: наш «мулла» зачитался. Нет, чтобы воды принести в дом! – с упрёком говорил он ей.

Мать обычно отмалчивалась, не обращая на его слова внимания. Но отчим не отставал, дёргал меня за ногу и, как бы шутливо, кричал:

– Эй, «мулла»! Совсем зачитался... Иди воды, хоть, принеси!

Тогда мать не выдерживала и говорила:

– Отстань от ребёнка. Пусть читает. Затем брала ведро и приносила воду.

– Так, Лидка, ты его совсем избалуешь или он муллой станет, – полушутя-полусерьёзно укорял мать отчим.

В то время я не понимал значение слова «мулла», но, по словам отчима, выходило, что это никчемный и ленивый человек. Но я себя таковым не считал. Придя со школы, я заправлял не только свою, но и их огромную кровать, протирал полы и мыл под рукомойником оставшуюся от завтрака посуду. Вначале я это делал по просьбе матери, которая уходила на работу в пять часов утра. Иногда – сам. И тогда она, обрадованная проявлением у меня самостоятельности, не переставала меня нахваливать. Это подстёгивало желание угодить ей, и, постепенно, уборка комнаты стала для меня приятным и привычным делом.

Причина же упрёков со стороны отчима, которого я упорно не хотел называть папой, мне стали понятны с годами. Не получив достаточного образования, он завидовал моим успехам в учёбе. А чтение книжек, которое в глухой Сибири было, практически, никчемным занятием, по сравнению с ведением домашнего хозяйства, там, действительно, рассматривалось забытыми и тёмными людьми, как непонятное для них чтение сур муллой.

Кроме того, мне нравилось учиться, и школьные дни пролетали для меня незаметно. Во время моего возвращения из школы, дома никого не было, и я сам придерживался определённого плана занятий и отдыха. Этому нас учила Ольга Ивановна.

– Самое главное, – твердила она нам, – помнить золотое правило: «Сделал дело – гуляй смело!». И я, хорошо усвоив его, старался не откладывать уроки на потом. Когда приходил

домой, обедал и начинал наводить порядок в нашей комнате. Зимой – сначала растапливал печь, чтобы согреть остывшее помещение. Топили мы антрацитом, и я засыпал его в печь целое ведро, которого хватало до самого прихода родителей.

Когда же освобождался от домашних дел, то сразу садился за стол для выполнения школьного задания. Оно для меня было самым важным и интересным занятием! Любознательный от природы, я любил учиться и познавать по учебникам окружающий мир. И никакими уговорами зовущих на улицу друзей не возможно было оторвать меня от выполнения уроков.

Глава 4. А школьные годы летят...

К концу весны, которая в Пятигорске начинается рано, жители барачков сумели уговорить начальство вспахать пустырь. Очищенную от сорняков землю поделили между собой, разбили огороды. Строительная организация рабочих построила нам сараи для хранения дров и угля. Потом кое-кто из владельцев новых построек стал самовольно устанавливать напротив дверей своих сараев беседки.

К этому времени я уже заканчивал второй класс и мне хотелось снова завершить учебный год на отлично. Мать старалась не отвлекать меня от выполнения уроков просьбами по хозяйству. Но отчиму это не нравилось. Теперь, когда он приходил с работы выпившим, между нами происходил, примерно, такой диалог.

– Ну, что? Много двоек нахватал?

– Ни одной.

– Так я и поверил, – начинал он, садясь ужинать за единственный стол напротив меня.

– Ваня, кушай, а то остынет, – пыталась отвлечь его мать.

Но это было сделать не просто: как и дед, пьяный отчим любил поговорить.

– Что ты там сейчас учишь? Обычно в такие моменты я старался отмалчиваться в надежде, что он отстанет. Но не тут-то было.

– Ваня.

– Подожди, Лидка! Я хочу его проверить. Так что ты там учишь? – продолжал расспрашивать он.

– Русский язык. Читал отчим мало, в основном, газеты, и, конечно, грамматику не знал. Тогда он переходил на тот предмет, который ему был знаком, и знание которого ему приходилось использовать на практике.

– Ладно. А вот ты скажи, например, сколько будет шесть у шесть?

– Да это мы уже проходили, – хмыкал я, раздумывая, какую букву надо вставить в слово из упражнения по русскому языку.

– Вот, Лидка, – с пьяным пафосом обращался он к матери, приподняв указательный палец, – запомни мои слова! Бросит он учиться, – и уверенно добавлял: – или его выгонят из школы.

Но мать знала, как отвлечь пьяного мужа. Она клала руку ему на плечо и слегка трясла, чтобы тот обратил на неё внимание.

– Вань! А Вань. Ты слышишь? – позабыв обо мне, тот начинал смотреть на мать помутневшими глазами. – Ты знаешь, что недавно Мария Дмитриевна сказала? – отчим продолжал непонимающе смотреть на неё. – Они собираются построить беседку с подвалом. И свой мотоцикл будут на ночь ставить туда.

Мария Дмитриевна – это наша соседкой по барачку. Мудрая, пенсионного возраста женщина, несмотря на разницу лет, дружила с матерью. Её муж, «Дед», как прозвали его соседи, был крутого и горячего нрава, но любил справедливость. Когда он видел пьяного отчима, то обычно качал головой и прямо ему говорил: «Ду-урак ты, Иван! Руки – золотые, жена – хорошая, а ты пьёшь...»

Конечно, за глаза, тот сердился на «Деда», но старался не перечить. Сосед был опытным мастером и часто давал ему дельные советы. В душе отчим завидовал сноровке крепкого и горячего в работе «Деда». Тот никогда не сидел без дела. Всегда что-то мастерил и даже купил мотоцикл. А тут – ещё и беседку собирается построить! Отчим сразу протрезвел, немного подумал и сказал:

– А что, Лида, (так он обращался к матери, когда хотел услышать от неё совет) может и нам попробовать? Доски я с работы натаскал. Вот только стояки из брёвен нужны, да как их дотащишь? Это тебе не доски: сложил, связал – и на плечо.

– Брёвна, Ваня, ты не сможешь дотащить.

– Если надо, дотащу. По одному.

– Ой, Ваня, надорвёшься! Лучше машину найми.

– Машину на стройку не пропустят. Хотя постой! На прошлой неделе наш Димка, шофёр, попросил меня кровельного железа для своей дачи достать. А что, если с ним договориться насчёт брёвен? Как говорить, «баш на баш». Ай да, Лидка! Молодец, а кошка – дура!

Эту прибаутку мать и отчим продолжали использовать в своей речи, которая ещё сохраняла сибирский колорит.

* * *

Снова наступили летние каникулы. Наш двор продолжал преобразаться на глазах. Его обнесли железобетонным забором с похожими на соты пчёл отверстиями. Сделали асфальтированные дорожки, насажали деревьев и даже установили качели на высоких деревянных столбах.

Теперь Виталик стал чаще заходить ко мне, чтобы покататься на них. Качался он смело, высоко взлетая над посаженными в один ряд саженцами. При этом он не ждал, когда качели остановятся совсем, а ловко спрыгивал с них на лету. Так высоко качаться, как он, и спрыгивать на ходу я не мог.

Зато потом предлагал ему побороться на траве. Мы находили свободное от камней место, и между нами завязывалась упорная борьба. Силы были почти равными, но никто из нас не хотел уступать. Победителем, по договорённости, считался тот, кто укладывал противника на обе лопатки два раза подряд. Эти поединки (и в шахматах, и в борьбе), заразительное стремление Виталика к победе пригодились мне в будущем.

А отчим свое обещание, построить во дворе беседку, выполнил. Он установил её на крепких столбах, которые потом обшил досками. Получился деревянный домик с одним небольшим окошком, чтобы невозможно было пролезть снаружи. Навесил крепкую дверь, закрывающуюся на большой амбарный замок (такой, говорил он, труднее открыть грабителю), и даже сделал с правой стороны от двери широкую деревянную скамейку, которая имела удобную спинку и стояла на вкопанных в землю столбиках.

Мы же с матерью посадили вокруг беседки цветы и зелёный вьюн. Последний быстро разросся и покрыл стены и крышу нашего домика пышной зеленью, защищая его от палящего южного солнца.

Но самым главным было то, что отчим выкопал под деревянным полом подвал и провёл электрический свет. Ночное освещение позволяло ему по свободным вечерам заниматься любимым столярным делом, а подвал – хранить зимой картошку и заготовленные на зиму соленья, варенья и компоты. Для столярных дел отчим установил верстак, для отдыха – кровать и небольшой столик под оконцем.

«Получив в подарок» подвал, мать стала таскать меня по выходным дням на рынок для закупки овощей и фруктов, чтобы законсервировать их на зиму. Эти походы немного утомляли, так как часть закупок приходилось тащить и мне.

– Ничего, сынок, потерпи, – уговаривала она. – Скоро у нас будет пополнение, и мне сейчас нельзя много поднимать. Ты хочешь иметь братика или сестричку?

Её вопрос не застал врасплох: я уже давно приглядывался к заметно увеличивающемуся животу матери. Кроме того, знал от взрослых пацанов, откуда берутся эти братики и сестрички, но стеснялся признаться в этом.

– А откуда они у нас возьмутся, мама? – глядя на неё невинными глазами, спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.